

АНДЖЕЙ
БЕЛОВРАНИН

ЭЛЛИНИУМ:
ПРОБУЖДЕНИЕ

18+

Анджей Беловранин
Эллиниум: Пробуждение

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Беловранин А.

Эллиниум: Пробуждение / А. Беловранин — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Действие романа происходит в альтернативной реальности, основанной на культуре Древней Греции. Сын Тверда, царя небольшого городка, затерянного среди древних гор, отправляется в свой первый поход, чтобы заработать своё взрослое имя.

1

Пескарь любил смотреть на солнце. Конечно, смотреть прямо на него можно было только на закате и на рассвете, или когда оно скрывалось за мутной завесой облаков. Когда солнце было в полной силе, заливая горы и долину своей жгучей яростью, даже поднять глаза вверх было больно.

Жрец Солодан говорил, что солнце – это сам бог Пробудившийся, из милости являющий свою необузданную суть собственным творениям. Но Пескарю больше было по душе объяснение Хромого. Хромой как-то раз сказал мальчику шепотом:

– Солнце – это не сам Пробудившийся, Пескарик. Это зеница его ока. Небо – это глаз, а солнце – огненный зрак. Это он наблюдает за нами, примерно как ты, когда рассматриваешь муравья на ладони.

– А земля – это ладонь Пробудившегося? – восхищенно спросил Пескарик, которому было тогда всего восемь или десять вёсен.

– Я не знаю, – немного смешался Хромой. – Видишь ли, нам, муравьям, этого никак не познать. А вообще, может быть! Земля – ладонь Пробудившегося... мне нравится!

Но Пескарь подумал – и с того самого дня эта мысль не оставляла его – что если перебраться через горный хребет и взглянуть вниз, то, может быть, увидишь гигантскую руку, держащую всю землю, а далеко внизу – ноги бога...

С тех пор прошло семь или восемь вёсен, многое в жизни Пескаря изменилось, но каждый вечер и каждое утро он старался не пропустить те моменты, когда можно было взглянуть в глаз бога и попытаться прочесть его мысли и чувства. Что думает он сегодня, глядя на людей, зверей и деревья, и всё остальное, что создал? Порадовали они его или опечалили? И что он думает о самом Пескаре? Не сердится ли на такую наглость – на попытку прочесть его мысли, прознать его божественный промысел?

«Не может быть, – думал Пескарь. – Наоборот, ему должно нравиться то, что я пытаюсь разобраться. Иначе он просто отнял бы у меня возможность думать. Или никогда не давал бы ее мне».

Этим вечером Пескарь, у которого выдалась свободная минутка, решил быстро взобраться на Холм, пока зрачок Пробудившегося не закатился за горный хребет и глаз его не затмился ночной пеленой. Он побежал по тропинке, потом свернул напрямик, уверенно подпрыгнул и зацепился пальцами за знакомый изгиб камня. Подтянулся на руках, помогая себе ногами, и взобрался на скальный уступ, умудрившись совсем не ободрать колени или локти. Здесь тропинка продолжалась. И хоть Пескарь знал, что выгадал достаточно времени, чтобы вовремя оказаться на вершине, он припустил вверх по тропинке с удвоенной скоростью, с удовольствием ощущая, что даже не думает задыхаться от быстрого бега.

Налетев, словно вихрь, на стадо Кропаря, он спугнул нескольких коз. Те с диким криком ломанулись в стороны, и Пескарь улыбнулся, слыша, как догоняет его спину растерянная ругань пастуха.

Еще несколько поворотов тропинки, и Пескарь обнаружил себя на самой вершине Холма. Нижняя кромка солнца приблизилась к краю хребта, но Пескарь ясно видел узкий промежуток неба между ними. Успел.

– Доброй ночи, бог! – прошептал Пескарь и почувствовал, что слова прозвучали неверно, прерывисто – он все же запыхался, взбираясь на Холм. – Пусть тебе приснится что-нибудь приятное. И не проспай, завтра у меня важный день, – решил Пескарь на маленькую наглость.

Тут он почувствовал, что что-то изменилось в зраке Пробудившегося. Как будто тот хотел ему... ответить? Пескарь не посмел поверить себе, но все же надеялся, что так оно и было. «Не проспай, не бойся», – подмигнул ему бог-затейник. Что бы там ни говорил жрец Солодан, Пескарь не мог поверить в то, что бог, ставший за последние вёсны таким родным, таким

близким знакомым, бог-наперсник его шалостей и тайных дум, мог быть таким страшным и гневным, как любил описывать жрец.

«Каждую триста девяносто девятую весну Пробудившийся посылает на землю великую кару! – вещал жрец, взмахивая посохом, отчего высохшие косточки и ракушки в его ожерелье начинали грозно постукивать. – Реки выходят из берегов, горы рушатся на головы грешников, земля разверзается у них под ногами! Бойтесь прогневить бога, давшего вам жизнь...» И все в таком духе.

Конечно, слипшиеся и смотавшиеся седые космы, закрывавшие лицо жреца целиком, когда дул ветер, выглядели очень значительно. Стоило взглянуть на него один раз, и тут же становилось понятно: этот человек знает с богами. Но ведь то, что боги говорят с ним, не значит, что он передает их речи слово в слово. Может быть, боги просто говорят ему: не шалите, а то худо будет. А он превращает эти вполне отеческие наставления в свои грозные пророчества.

Край солнца коснулся горной гряды, и Пескарь тут же развернулся, чтобы неспешно зашагать вниз с Холма. В его взаимоотношениях с Пробудившимся было немало простеньких правил. Одно из них заключалось в том, что, если зрак бога начал скрываться за горами, – тому уже не до людей и их маленьких суетливых дел. Око начинает закрываться, и незачем больше дергать Пробудившегося по пустякам.

Правда, Пескарь нашел в им же самим установленном правиле лазейку: если стоять на вершине Холма, а не внизу в долине, закат начинается немного позже. Поэтому иногда – как получилось и сегодня – можно обмануть вселенские нормы, если быстро взобраться наверх.

Путь в долину лежал через древний храм. Это место с детства вызывало у Пескаря благоговейный трепет, особенно по ночам, когда здесь проходили бдения – чаще всего с просьбой богам ниспослать дождь или вообще богатый урожай. А когда дул ветер, проносясь между колоннами, он иногда издавал тревожащий вой.

Храм был возведен давным-давно; как говорил Солодан, тысячу вёсен назад. Пескарь с трудом мог представить себе, сколько это – тысяча вёсен. Но понятно было, что очень давно.

В храме было три колонны, на двух из них лежала каменная перекладина – на вид такая тяжеленная, что Пескарь замирал от восхищения, представляя, какими силачами должны были быть предки, чтобы поднять эту громадину на высоту в полтора человеческих роста. Возможно, это сделал сам Геллак – величайший герой древности, в перерывах между строительством храмов пробавлявшийся уничтожением хтонических чудовищ и разбойников, которые грабили путников и торговцев.

Другая перекладина висела наискось, одним концом цепляясь за верх второй колонны, а другим упираясь в землю у подножия третьей. А четвертая колонна лежала на земле.

Когда Пескарь был маленьким, ему казалось, что так и задумывалось с самого начала: одни божественные ворота храма построили полуразрушенными, а вторые – целыми. Это как будто бы лестница, по которой люди могут подниматься к богам.

Но однажды отец обмолвился: «Это было давно, еще до того, как рухнула колонна в храме». Оказалось, это случилось уже при жизни отца, раньше же оба проема ворот стояли прямо.

А пару вёсен назад Пескарь обратил внимание на то, что куча камней, лежащих поблизости от полурухнувших ворот, вполне могла быть колоннами и перекладиной. Значит, когда-то колонн было пять, и они составляли четыре проема?

Для Пескаря это было ужасающим открытием. Значит, храм разрушается! А ведь он казался мальчику самым надежным, самым незыблемым, что есть на земле. Отец в тот день был, как всегда, занят чем-то важным и отмахнулся от Пескаря с его «почему». «Спроси жреца!» – бросил он.

Солодан напустил на себя еще более таинственный и грозный вид, чем обычно.

– Твой вопрос о разрушении храма – это вопрос о вине и искуплении! Грехи человеческие пред богами множатся, и греховное давление набирает силу! Сколько бы коз ни принесли люди в жертву, этого не достанет для искупления. Столько, сколько устоят колонны в храме богов – столько достанет у них терпения сносить те поношения, что творят им люди. Когда же последние ворота в храме рухнут под тяжестью обид, нанесенных людьми богам, тогда пробьет последний час. Трехсотдевяностодевятивёсенный цикл завершится, Пробудившийся истребит свои творения, чтобы заселить землю новыми, более достойными!

– Тогда, может быть... отремонтировать храм? – спросил Пескарь. – Чтобы продлить терпение богов?

В ответ Солодан напустился на мальчика с такой яростной бранью, послал на его голову такие страшные проклятия, что тот постеснялся задать еще один мучивший его вопрос: как же храм мог стоять на своем месте уже тысячу вёсен, если каждые триста девяносто девять боги истребляют людей за то, что он рушится? Не напрасно отец научил Пескаря считать – необходимое умение для будущего царя.

Через несколько дней после того разговора Пескарь набрался смелости и перед сном спросил у матери – как же так? Неужели боги действительно настолько безжалостны, что покарают их всех, когда рухнет храм? И зачем они нарочно путают нас так, чтобы мы не могли толком посчитать вёсны своих оставшихся жизней?

– Не думай об этом, Пескарик, – ответила мама. – Все эти сложные вопросы про богов, пророчества и прочее – оставь это жрецам. Это слишком запутанно, чтобы нам понять. Хочешь сладкий финик?

Пескарь, конечно же, хотел.

2

Когда юноша спустился с Холма, уже сильно стемело, и оказалось, что воины отца повсюду ищут его.

– Куда ты запропастился, мальчишка?! – воскликнул царь, гневно сдвинув брови, когда Пескарь вышел на площадь. Отец сидел за длинным столом, вместе со всеми старейшими воинами, и гости были здесь же, по левую руку от царя. – Сказано же было: приходите на закате!.. Но об этом позже, – прервал себя царь, – садись подле меня, сегодня ты будешь слушать, и слушай внимательно. Ибо все, что будет сказано, коснется и тебя.

Пескарь ловко перескочил скамью и сел по правую руку от отца, между ним и первым воеводой города Рубачом. У Рубача не было половины левой ладони и всех пальцев – ему отсекали их во время одной из многочисленных битв, в которых, как знал Пескарь, тому довелось участвовать. Но это не мешало Рубачу ловко обращаться с рубилом – тяжелой секирой, которая всегда висела у него на поясе. Здоровой рукой он крепко сжимал рукоять, а с помощью обрубка умело направлял или удерживал ее, отбивая чужие и усиливая свои удары.

– Достопочтенные послы Кадма! – начал царь, обратившись к сидевшим ошую гостям. – Старейшины города и я, царь Тверд, собрались здесь, чтобы выслушать вашу просьбу. Уши наши открыты. Говорите!

Старший из гостей, сидевший ближе всех к отцу, облаченный в бронзовый панцирь, чешуйки которого поблескивали в свете факелов, грузно поднялся на ноги.

– Достопочтенный царь Тверд, и вы, старейшины Города-в-Долине! – солидно начал посол, время от времени оглаживая черную, без единого седого волоска бороду. – Это говорю я – воевода Барам, верный слуга Василия, царя Кадма. Слушайте и не говорите, что не слышали! Наши города, ваш прославленный Город-в-Долине, и наш достойнонаселенный, омываемый волнами Кадм, помнят долгие годы совместных добрых дел. Наши предки были от одного корня, от семени прославленного героя Адма, от имени которого получил название наш город. Мы связаны прочными узами брачных союзов, мы ведем торговлю столько, сколько помнят стены Кадма. Вместе мы участвовали во многих битвах, вместе победили множество

врагов. Коварных гуматов, напавших на наши земли из темноты. Разорвавших наши торговые пути черноруких таглаков. Вместе ходили в дальний морской поход на город Белых Камней. И всегда сражались по одну сторону, никогда наши воины не поднимали руки друг на друга!

Старейшины Города-в-Долине встретили речь гостя одобрительными возгласами. Даже обычно бесстрастный Рубач удовлетворенно кивнул.

– Друзья мои и братья из Города-в-Долине! Вновь коварные враги замыслили против нас худое. Вновь нашей мирной жизни угрожает опасность. Уже две весны ни один капитан, ведущий корабль в Кадм или из него, не может чувствовать себя в безопасности. Дикари с острова Раадос подстерегают их в узких проливах, нападают на торговцев и грабят их, а моряков и купцов убивают. Лишь двум из трех кораблей удастся пройти мимо их засад, не терпя ущерба. Но дальше может быть только хуже, ибо раадосцы набирают силу!

– Проклятые пираты, разрази их Пробудившийся! – воскликнул Силач, младший из старейшин Города-в-Долине. Он действительно был очень широк в плечах, хоть и на голову ниже царя, и силен, как буйвол. Во всяком случае однажды он, поспорив с двумя другими воинами, в одиночку впрягся в плуг, который обычно тянули сразу два быка, и вспахал на поле целую борозду длиной в два стадия.

– Нам, конечно, очень жаль, что наши братья терпят убытки от морских разбойников, – вставил слово старейшина Грач, славившийся мрачным и несговорчивым характером. – Но какое это касательство имеет до Города-в-Долине? У нас ведь нет кораблей, а на сушу раадосцы, сколько я помню, ни разу не выбирались.

– Уж лучше молчи, коли ничего не понимаешь! – с раздражением воскликнул царь. – Дурнем ты, Грач, родился, дурнем и помрешь! Или ты не знаешь, что все излишки зерна, вина и оливкового масла, все ненужные нам козьи шкуры и мясо мы обмениваем у кадмийцев на бронзу, медь и золотые украшения для наших женщин? А откуда, как ты думаешь, они берут их сами? Или думаешь, что в Кадме есть золотые или оловянные шахты? Все это моряки Кадма везут морем из дальних земель!

Посол Барам не замедлил поддержать Тверда:

– Верно говоришь, царь! Золото идет к нам из Белых Камней. Бронза, олово и медь – из Патамоса и Оксоса. Разноцветные ткани, раскрашенные кровью морских гадов – из-за моря, из самых пустынь Ибилея. И в своих странствиях наши мореходы подвергаются множеству опасностей! Как будто мало нам морских чудовищ кракенов, мало коварных наяд и русалок, штормов и предательских рифов, неизведанных течений и туманных островов! Теперь еще под самым нашим носом, у самых наших гаваней расплодились кровожадные пираты. От этих злодеев страдаем мы, а равно – и вы, жители многославного Города-в-Долине. А значит, настало время собрать воедино всю нашу мощь, объединенные силы наших городов – и ударить, словно сжатый кулак, прямо в сердце коварных раадосцев.

Старейшины согласно зашумели, а самые нетерпеливые даже повскакивали со скамьи:

– Ударить! Размажем этих проклятых пиратов!

– Тем более что всё равно первый урожай собран, и теперь до самой осени делать нечего, – честно сказал Силач, улыбнувшись широкой улыбкой.

Когда волнение немного улеглось, неожиданно заговорил Рубач.

– Хорошая битва идет на пользу любому племени, – тихо и медленно сказал он. – Молодые воины получают шанс отведать крови врага, а старые разомнут свои кости. Биться же бок о бок с братьями из Кадма – всегда достойное предприятие. Но не забыл ли досточтимый Барам, что наши воины привыкли сокрушать черепа врагов, стоя на твердой земле? Когда под ногами шатающаяся, скользкая от морских брызг палуба корабля – мало толку от воина, что не умеет, как вы, кадмийцы, пройти по протянутому над бездной канату, ни разу не споткнувшись.

– Многоопытный Рубач знает, что говорит, – поднялся из-за стола еще один посол, моложе Барама, с благородным лицом, но жестким голосом. Его панцирь, набранный из тысяч

бронзовых пластинок, нашитых на сыромятную кожу, был украшен россыпью драгоценных камней и, должно быть, стоил, как целое стадо коз – Пескарь таких ещё не видел. – Я Туруп, средний сын царя Кадма, – с поклоном представился гость Тверду, и тот кивнул, позволяя послу говорить. – И царь наш Василий хорошо понимает, что сила воинов Города-в-Долине – в том, чтобы биться в тесной фаланге, построившись плечом к плечу, твердо стоя на камнях Матери-Земли, сомкнув твердодревые щиты и выставив перед собой смертеразящие копья. Именно этого и ждет от своих единокровцев Василий! Мы не будем охотиться за пиратами по морям. Мы высадимся на Раадосе, чтобы осадить город дикарей и раз и навсегда уничтожить их в их собственном логове.

– Что скажешь, Рубач? – прищурил один глаз, спросил воеводу Тверд.

– Доброе дело, – кивнул однорукий и замолчал, давая понять, что считает разговор оконченным.

Отец Пескаря рассмеялся, поднимаясь со своего трона, искусно сработанного из большого плоского камня и дерева, украшенного резьбой; трон стоял прямо на площади, но под отдельным небольшим деревянным навесом, который защищал его от дождя и солнца.

– Слушайте решение царя Тверда, люди Города-в-Долине, и вы, послы крепкостенного Кадма! Слушайте и не говорите, что не слышали. Город-в-Долине окажет помощь свои братьям, как всегда делал это! Пятьдесят лучших воинов отправятся в поход. Среди них – старейшины Рубач, Силач и Копьё.

– Храни тебя Пробудившийся, царь! – не удержавшись, воскликнул Копьё. Этот старейшина был высокий и тощий, как палка, да к тому же лучше всех в городе управлялся с копьем, так что его имя подходило ему превосходно. Вот только борода у него почти не росла – лишь несколько волосков свисали с подбородка жидкой паклей.

– Среди воинов будут также четверо мальчиков, которым настало время заслужить свои взрослые имена, – продолжал Тверд. – Пусть получают их в бою, как лучшие из наших предков. Одним из них будешь ты, сын мой, – царь посмотрел в глаза Пескарю, и тот увидел на его лице неожиданное, столь редкое выражение. Смесь любви и гордости за своего наследника. Лучшей похвалы Пескарь не мог ожидать и тоже не сумел сдержать переполнивших его чувств:

– Спасибо, царь! Я буду достоин твоего доверия!

– Благодарю, многомудрый царь Города-в-Долине! – взял слово Барам. – Царь Василий знал, что может рассчитывать на помощь своих братьев, и я рад, что древние узы родства и дружбы остаются нерушимыми. Так обагрим же копья кровью врагов! Вперед, адмийцы!

– Хайи! – воскликнули воины древним боевым кличем потомков Адма.

– Поднимем же кубки за грядущую победу! – провозгласил Тверд начало пира.

3

Когда старейшины с послами выпили по первому кубку, к пиру присоединились воины Города-в-Долине. После трех кубков женщины внесли на площадь два блюда с зажаренными целиком кабанами. А когда мужчины набили животы, посреди площади запыхал огромный костер, старейшина Нахват завёл первую боевую песню. Воины сразу принялись подпевать, и вскоре горланили уже кто во что горазд. А потом и заплясали вокруг очага.

В самый разгар пира отец подозвал Пескаря к себе.

– Ты опять сбежал на вершину Холма? – сердито спросил царь. – Мальчишка – заставил ждать и меня, и старейшин, и послов!

– Но я думал, что успею... – попытался возражать Пескарь.

Тверд немедленно разозлился:

– Ах, ты думал! В следующий раз, когда захочешь подумать, сначала постриги бороду.

– Но у меня ещё не растёт борода, отец, – удивленно ответил Пескарь.

– И я о том, – солидно выговорил царь, огладив свою ухоженную пышную лопату под подбородком.

Пескарь не удержался и рассмеялся. Тверд улыбнулся в ответ – гнев его прошел.

– Что ты просил у богов, сын? – поинтересовался царь.

– Я ничего не просил, – честно ответил Пескарь. – Просто попрощался с Пробудившимся.

– Ты так тесно знаком с ним? Может, я ошибся, и из тебя вышел бы лучший жрец, чем воин?

– О нет, я хочу быть воином! – пылко возразил Пескарь. – Просто мне кажется, что и воинам не зазорно говорить с богами.

Царь усмехнулся:

– И снова дерзкий ответ! Ты всегда любил играть с огнем, Пескарик. Это опасное, но очень полезное качество. Главное – научиться правильно его применять. Надеюсь, оно сослужит тебе добрую службу, и тебе не придется при этом слишком часто обжигаться... Завтрашний день уйдет на сборы. Проверь щит и копьё; укрепи, если потребуется, и почисти доспехи. Еды берёте дня на три. До Кадма два перехода, плюс небольшой запас на всякий случай. Воды по дороге вдоволь, так что пошагаете налегке. Эх, хотел бы и я отправиться с вами! Да староват уже стал, отяжелел.

– Не может быть, отец! – искренне возразил Пескарь. – Ты все ещё силен, как бык.

– Силен, но уже не так, как раньше, – чуть печально улыбнулся отец. – Боюсь, мой следующий поход может стать последним. А возвращаться на щите мне пока рано. Сначала ты должен возмужать и набраться мудрости. А тогда – можно и на покой. Не будь я Тверд, если Ад уже не отвел мне славный чертог в своем подземном дворце! Ну что же, иди пируй, сын мой! И да пребудет с тобой благословение богов, а мое у тебя есть – в этом можешь быть уверен.

Вокруг костра плясали, сцепившись локтями, добрых два десятка воинов.

– Хайи! Кровавые копы! Хайи! Щиты из дуба! Хайи! Несём смерть! Хайи! Бегите, трусы! Бойтесь воинов Грома!

Пескарю тоже хотелось плясать вместе с ними, но он пока не был воином. Он был мальчиком, еще не получившим взрослого имени. Неподалеку от костра он увидел троих своих сверстников, которым, как и ему самому, предстояло отправиться в первый поход.

Всех троих сын царя считал верными и храбрыми – просто потому, что такими должны быть воины Города-в-Долине. И это знанине никак не противоречило в его голове тому, что у каждого из юношей был свой, отличный от других характер.

Увалень был лучшим другом Пескаря. Полноватый по природе – за что и получил свое детское имя – он был, однако, достаточно подвижен и силен. Увалень раз и навсегда избрал царского сына своим вожаком и не раздумывая подчинялся всем его «приказам». Даже если знал, что следование им грозит наказанием от отца – а Увалень был сыном Силача, поэтому наказания никогда не проходили для него безболезненно. Пескарь был прекрасно осведомлен обо всех этих обстоятельствах, поэтому старался лишний раз не подставлять друга под тяжелую руку могучего старейшины.

Козлик был, наверное, самым хилым из детей племени. Руки и ноги его, конечно, были привычны к работе, да и упорства ему было не занимать. Однако во всех детских играх и соревнованиях он неизменно оказывался последним, нередко проигрывая даже девушкам. Что, конечно, было для детворы бесконечным источником шуток и издевательств разной степени жестокости. Несмотря на это, Козлик не смирился со положением чуть ли не изгоя, проявлял упрямство и готов был броситься в драку с каждым, кто в глаза или за глаза издевался над ним – не исключая даже взрослых воинов. Из-за чего, конечно же, нередко бывал бит, но и приобрел некоторое уважение. За особенную задиристость (и за то, что был сыном козопаса Бура) он получил свое детское имя.

Третьего юношу звали Ящерка. Он прекрасно умел прятаться среди камней и вообще нередко поражал сверстников своей хитростью и изворотливостью. Он был сыном старого опытного воина по прозвищу Хромой. Хромой не был избран старейшиной города только из-

за несговорчивого и, прямо скажем, мерзкого характера. Говорят, до того, как в бедро ему воткнулся вражеский дротик, он был совсем другим человеком. Но непрерывная боль в ноге навсегда изменила его. По каждому поводу Хромой имел свое мнение и абсолютно не расстраивался, если оно не совпадало с мнением других. Он растил оливы и виноград в своем саду – занятие, не требующее большого труда, смотрел на всех свысока и не стремился к общению с согражданами. За исключением, пожалуй, Пескаря, к которому почему-то благоволил, и с которым время от времени соглашался перекинуться парой добрых слов; которые, однако же, в любой момент могли обратиться ругательствами.

Пескарь не знал, перенял ли Ящерка от отца какие-либо из его необычных свойств, потому что Ящерка вообще-то был довольно скрытен, а Пескарь – ещё слишком юн, чтобы в принципе задумываться о таких вещах как личные качества других людей.

– В следующий раз, когда мы окажемся на пиру, то сможем так же плясать в кругу воинов, – сказал Увалень подошедшему Пескарю. – Интересно, как меня тогда будут звать? Может быть, Тигр!

– Как бы ни звали – главное, чтобы не так, как раньше, – процедил сквозь зубы Козлик. Ящерка в ответ на последнюю фразу усмехнулся левой половиной рта, но ничего не сказал.

Пескарь, чувствуя себя лидером будущих воинов – особенно после тёплого напутствия отца – полагал, что ему нужно сказать что-нибудь объединяющее и ободряющее.

– Наши имена будут достойны наших подвигов. А в том, что мы совершим подвиги и не опозорим наших предков, я уверен!

– Да еще посмотрим, кто кого опозорит! – отозвался Козлик, готовый увидеть вызов даже там, где его не было.

– Угомонись ты, – мирно сказал Увалень. – Пескарь дело говорит. Вернемся, и все будет для нас по-новому, – он даже не заметил, что говорил об этом сам, а Пескарь посвятил свою речь совсем другому.

– Для тех, кто вернется, – вставил Ящерка. – Раадосские пираты – это вам не дикие козопасы с гор.

– Воины Города-в-Долине бились с раадосцами лишь однажды, – заметил Козлик, проявляя неожиданные для Пескаря познания в истории. – Это было вёсен тридцать назад. Тогда большой отряд их высадился у стен Кадма, и пираты принялись грабить усадьбы в окрестностях. Гонец кадмийцев по имени Лабуга пробрался мимо раадосцев и за один день и одну ночь добежал до Города-в-Долине. Наши воины немедленно выступили на помощь и напали на лагерь разбойников через два дня рассвете. Враги не были готовы к удару, и наши смели их, как зимний дождь смывает листья с камней. Это была легкая победа, которая надолго угомонила раадосцев. Однако мы ни разу не сталкивались с ними в настоящем бою, щиты в щиты. А воины у них, как говорят кадмийцы, крепкие – им часто приходилось с теми сражаться.

Пескарь искренне удивился:

– Откуда ты все это знаешь?

– Думаешь, я вру?! – взвился Козлик. – Спроси Рубача, если хочешь, он тебе то же самое скажет, слово в слово!

– Я верю, не кипятись ты, как котелок, – примирительно ответил Пескарь. – Молодец, что запомнил.

– Я люблю слушать истории, и все, что слушаю, стараюсь запоминать, – неожиданно раскрылся Козлик.

– Это все, что тебе остается – помнить о подвигах других, – усмехнулся Ящерка.

Козлик собрался было броситься в бой, но Пескарь его опередил:

– Хватит подначивать друг дружку, – сказал он, пристально глядя на Ящерку – так, чтобы понятно было, в чей огород он кидает камень. – Мы больше не дети. Пыл стоит приберечь для врагов. Не хватало еще выйти в первый бой с расквашенными из-за глупых распрей носами.

– Слышал, чешуйчатый? – поддакнул Увалень.

Ящерка в ответ лишь снова усмехнулся половиной рта, но ничего не сказал.

Той же ночью, когда Пескарь уже устроился на циновке в своей отдельной пристройке к царскому дому, к нему вошла мама.

– Пескарик, ты тут, сыночек? – тихо спросила она.

– Да.

– Спишь?

– Да.

– Ну, ладно, спи, – она уже развернулась, чтобы уйти, но Пескарь, словно устыдившись сам не понимая чего, добавил:

– Ты что-то хотела, мам?

– Ничего особенного, малыш.

Пескаря немного покорило обращение «малыш», но он ничего не сказал.

– Просто хотела посмотреть на тебя, – мягко сказала мама, и Пескарию показалось, что она не договорила слова «в последний раз».

– Я вернусь, мам, не бойся, – уверенно заявил Пескарь. – Отец же всегда возвращался! А я его сын, я буду таким же храбрым и стойким.

– Возвращайся, Пескарик, – тихо сказала мама, и юноша почувствовал, что она чуть не плачет. – Хоть со щитом, хоть без щита.

– Ну что ты такое говоришь! – воскликнул Пескарь, чувствуя незаслуженную обиду. – Я не опозорю своего отца, и тебя тоже!

– Позор, мой маленький, не самое страшное, – еще тише прошептала мама.

– Не гневи богов, Милла! – с отцовской суровостью в голосе произнес Пескарь. – Я не трус, и вообще матери воина Грома не пристало говорить такие слова.

Мама усмехнулась неожиданной грозе:

– Ну ладно, ладно. Спокойной ночи, воин.

И хотя слово «воин» прозвучало в ее устах до обидного иронично, Пескарь предпочел этого не заметить.

– Спокойной ночи, мама, – ответил он. Милла вышла во двор, присела у своей прялки под навесом и принялась за пряжу, тихонько замурлыкав старую песенку про свадьбу кошки с котом. Она часто пела её детям вместо колыбельной, и, услышав знакомую мелодию, Пескарь почти мгновенно заснул.

4

Утром Пескарь первым делом, еще до завтрака, взялся за проверку своего оружия и доспехов. Копьё из ясеня – семи локтей, древко любовно обстругано так, чтобы нигде не дай боги не впиться занозой в ладонь. Наконечник из бронзы, остро отточенный, длиной почти в локоть, надевался на древко копья сверху и был надежно укреплен поперечным штифтом. Наконечник, с рёбрами для прочности, был листовидной формы: он расширялся от острия, так что у него было две режущие кромки, но все равно был довольно узким. Он не оставит таких страшных ран, как широкий зазубренный наконечник копья Рубача, зато копьё весит меньше, и его легче выдернуть из тела врага.

В тех местах, где удобней всего было держать копьё верхним и нижним хватом, Пескарь сделал в древке небольшие заглабления и проклеил их полосками из шершавой кожи, чтобы копьё не скользило в руке, даже если будет залито водой или кровью. Обратный конец копья был утяжелен бронзовым противовесом.

Большой круглый выпуклый щит был склеен из дубовых досок, обтянутый и проклеенный бычьей кожей, а снаружи дополнительно обитый медью. Мастер, которого из-за его занятия так и прозвали – Щитомаз – нарисовал на нем красным цветом страшную морду тигра. И хотя Пескарь ни разу не видел тигра, ему казалось, что получилось похоже. Во всяком случае, морда была очень грозная, особенно – хищно ощеренные клыки. Как-то раз в Город-в-Долине заходил кадмийский купец, он привёз с собой статуэтку тигра и рассказывал, что сам видел этих жутких зверей, когда путешествовал по далёкой Идрии. По его словам, тигр – это считай тот же лев, но без гривы, а шерсть у него красная с чёрными полосками, и хвост пушистый, как у кошки. Пескарь просил отца купить ему статуэтку, но они с торговцем так и не сошлись в цене.

Щит держался с помощью двух рукояток. Одна, жестко укрепленная, бронзовая, располагалась примерно в середине – в нее продевался локоть. Другая – кожаный ремень – широким кругом охватывала кромку щита. Такое крепление позволяло не только удобно и надёжно держать щит в бою, но и носить его за спиной во время похода.

Пескарь вспомнил многочисленные упражнения – с отцом и с другими воинами. Они били в щит деревянными палками изо всех сил, пока Пескарь не научился удерживаться на ногах даже после самых сильных атак.

Тренировался он и биться в фаланге – так, чтобы закрывать левой частью большого круглого щита стоящего слева соратника, и самому доверять стоящему справа, который прикрывал его своим щитом от головы до коленей. Пескарь научился, как лучше всего бить копьём снизу, из-под щита, в живот противника, как ловко перехватывать копьё в верхний хват и разить врага в голову поверх щитов. Он выучился не терять ритм боя, когда после грозного «ух!» командира нужно было пропустить один вздох и сделать шаг вперед, толкаясь щитом; а услышав не менее грозное «ну!» – отступить на шаг, чтобы резко освободить щиты от давления фаланги врага и тут же ударить потерявшего равновесие противника копьём.

В пристройку Пескаря вбежала Ленточка – его сестра, восьми вёсен от роду, в сарафане с радостным орнаментом из красивых птичек, изображенных квадратиками красных ниток. Она улыбалась во весь рот и, казалось, сама не знала, зачем пришла – наверное, просто посмотреть, чем Пескарь занят.

– Ну, чего тебе?! – сурово обратился юноша, но, глядя на обезоруживающую улыбку сестрички, невольно и сам улыбнулся.

– Да так! – громко выкрикнула Ленточка и утопала наружу, во двор.

У Тверда пока что было четверо детей: Пескарь, две девочки намного младше, Лента и Прыгунья, и ещё один сын, совсем младенец, не получивший даже детского имени – его пока звали просто Сопун. Двое других детей Миллы умерли, не дожив до полугода.

Пескарь вытащил из ножен и осмотрел бронзовый нож – запасное оружие с массивной рукояткой и коротким треугольным лезвием. Ножны удобно приторачивались к ремню с правого бока. Он тренировался сражаться не только ножом, но и мечом – но своего меча у юноши пока не было. Вообще мало кто из воинов Грома мог похвастаться этим дорогим оружием, большинство обходились ножами самых разных форм и размеров.

Потом Пескарь проверил свои доспехи, которые – хоть он ни разу ещё не был в настоящем бою, – считал самыми надёжными в мире. Тяжёлый бронзовый шлем с большим гребнем, прекрасно подогнанный по форме его головы и закрывавший лицо целиком – оставались лишь две узкие щели: одна вдоль глаз, и одна поперек, через нос и губы. Прошло немало времени, прежде чем Пескарь научился быстро поворачивать голову, облачённую в шлем, так, чтобы не теряться и не мешкать, глядя сквозь узкую прорезь.

Он еще раз проверил, как сидят бронзовые поножи и наручи, крепившиеся с помощью кожаных ремешков. Если правильно их затянуть, они сидели на нем так, словно были продолжением его рук и ног и совершенно не давили. К их тяжести Пескарь тоже давно себя приучил.

Затем юноша внимательно осмотрел свой льняной панцирь, полностью закрывавший грудь, живот, спину, плечи. Девять слоев тщательно прокленной льняной ткани стали прочнее любой самой крепкой кожи. Конечно, от прямого удара копья или меча льняной доспех не защитит, зато любой случайный удар, стрелу на излете или не совсем точно пушенный дротик смягчит. Самое главное – панцирь из льна вполне сносно спасал от возвратного движения вражеского копья: если противник ударит под или над щитом, а потом, отводя копьё для нового удара, заденет воина острой кромкой или зазубринами. Широкая «юбка» из свисающих вниз кожаных полос, которые за свою форму назывались «перья» или «птеруги», защищала бёдра почти до самого колена.

Царский сын мог бы позволить себе и бронзовый панцирь, но пока что он был бы для Пескаря слишком тяжёлым. Однажды отец позволил ему примерить собственный бронзовый доспех, и с непривычки Пескарь едва мог держаться на ногах. Конечно, тренировки позволили бы ему приноровиться к тяжелому панцирю и научиться в нем ходить – но воин в бою должен не ходить, а бегать, резко поворачиваться, бить; а если фаланга разрознена – то плясать, крутиться и вертеться – а не сражаться с собственным обмундированием. Льняной же доспех был почти таким же удобным и легким, как самая простая туника. Внимательный осмотр подтвердил: панцирь был в идеальном состоянии.

Наконец, последней инспекции подверглась маленькая гордость Пескаря – простая кожаная петля в локоть длиной. В праше юноша был уверен как ни в чём другом, потому что тренировался с ней каждый день и вообще никогда не выходил без неё из дома. Оставалось убедиться, что в кожаном мешочке лежат, как и положено, пяток тяжёлых свинцовых ядер – сплюснутые с боков и вытянутые, в форме персиковой косточки, они были куда более опасны, чем обычные камни. Пескарь легко мог попасть таким в неподвижную птицу с тридцати шагов, а в шакала – с сорока, а то и с пятидесяти (в человека стрелять ему пока не доводилось). Если цель была дальше, приходилось полагаться уже не только на умение, но и на удачу.

– Уходишь на войну? – Пескарь чуть не вздрогнул от неожиданности, когда мягкий, нежный голос оторвал его от размышлений об оружии и тактике боя.

– Сана, привет! – улыбнулся Пескарь, и девушка кокетливо улыбнулась в ответ. Она была стройная, как серна (что, впрочем, можно было сказать почти обо всех девушках Города-в-Долине), с длинными черными волосами мягче любой заморской ткани, и с жгучими черными глазами, выражение которых так легко менялось с любящего на грозное.

Сана была младшей дочерью старейшины Рубача, и родители вполне благосклонно относились к тому, что между молодыми людьми возникла любовная связь.

– Ты что, даже не пришел бы попрощаться? Уткнулся в свои оружия и обо всем на свете забыл!

– Нет, конечно! – возмутился Пескарь. – Конечно, пришел бы!

– «Конечно, конечно», заладил, – прищурилась Сана и вдруг запустила в юношу зажатым в кулаке земляным орехом. Орех стукнул будущего воина в плечо.

– Ах, ты так?! – притворно возмутился Пескарь, рванулся и хотел было подхватить девушку на руки, но та уже скрылась в глубине двора царского дома. Пескарь побежал следом.

Они пронеслись по городу, как вихрь, мимо женщин, полоскавших белье в ручье, мимо воинов, пивших вино под навесом, мимо мальчишек вёсен семи-восьми, которые кидались друг в друга камнями на гусином выпасе. Пескарь успел отметить их неловкие движения глазом мастера – более меткой руки, чем у него, в городе ни у кого не было.

Поймать Сану, если бы она сама того не хотела, было бы крайне непростым предприятием. На сей раз она решила сдаться, только забежав за дальний отрог Холма – туда, куда даже Кропаль почти никогда не гонял коз.

Пескарь ухватил девушку за руку, притянул к себе и уткнул лицо в ее шею и волосы. Одна его рука обхватила ее тонкую талию, а другая уже освобождала от туники ее груди с крупными

напряженными алыми сосками. Пескарь бросил на них взгляд, и все его тело напряглось от возбуждения. Сана почувствовала это и застонала.

– Скажи, что вернешься, – потребовала девушка, Пескарь принялся покрывать поцелуями ее бархатную кожу.

– Вернусь, не бойся, меня ни за что не убьют, – хрипло прошептал юноша.

– Я знаю, что не убьют, дурак! – разъярилась Сана, немедленно выскользнув из его рук. – Обещай, что не влюбишься в царицу Кадма и не забудешь меня.

Пескарь опешил.

– Царицу? Зачем мне царица?

– Уж я знаю зачем! – полуобнаженная девушка под ярким солнцем выглядела как самая прекрасная фурия на свете. – Можешь брать в плен сколько хочешь раадосок, но чтобы не смел смотреть на свободных женщин Кадма! Ты мой, понял?!

– Как скажешь, моя царица, – склонил голову Пескарь, и после этого Сана вновь оказалась в его руках.

5

Утро следующего дня выдалось облачным. С гор дул знобящий ветер.

Весь город собрался, чтобы проводить воинов, идущих на войну. Царь Тверд вышел вперед и изо всех своих могучих сил метнул вдоль дороги дротик. Метательное копьё воткнулось в землю и встало как влитое, предвещая удачный поход.

Сразу после этого пятьдесят воинов Города-в-Долине зашагали вперед, маршируя в ногу под боевой клич: «Хайи! Кровавые копьё! Хайи! Щиты из дуба!..»

Впереди колонны шли старейшины: Рубач, Силач и Копьё, – и четверо посланников Кадма. За ними, выстроившись по трое, шли воины города, каждый с копьём в руке и со щитом на левом плече. Замыкали колонну юноши, отправлявшиеся на свою первую войну.

Мужчины, провожавшие своих сограждан, напутствовали их пожеланиями победы и богатой добычи. На глазах многих женщин были слезы. Мать Пескаря тоже плакала, а Саны он нигде так и не увидел.

– Подойди, сын, – неожиданно позвал Пескаря царь. Тот остановился, недоумевая – колонна споро двигалась вперед, и он рисковал отстать. Но в конце концов послушался и подошел к Тверду. – Не бойся, нагонишь, – ухмыльнулся отец и протянул ему тяжелый на вид сверток. – Держи!

Пескарь принял подарок, откинул полотняный полог и задохнулся от восхищения. На кожаном поясе в деревянных ножнах, украшенных жемчугом и драгоценными камнями, лежал отцовский бронзовый меч. Прямой обоюдоострый клинок длиной в полтора локтя, более широкий ближе к острию и сужающийся у рукояти – словно очень сильно вытянутый букочный листок, с удобной, обмотанной кожей бронзовой рукоятью – наверное, главное сокровище царя.

– Бери и не говори ни слова, – поддержал сына Тверд.

Пескарь поставил в пыль щит, неловко прислонил древко копьё к шее и, откинув плащ, опоясался мечом, и застегнул тяжёлую пряжку ремня. Подняв голову, он увидел удовлетворение в глазах отца. А позади него, вдалеке, меж двух крайних лачуг города – промелькнуло лицо Саны. Значит, все-таки пришла. Она бросила на юношу странный взгляд – не то гневный, не то испуганный – и снова исчезла.

Пескарь мотнул головой, коротко сказал отцу «спасибо», подхватил копьё и щит и побежал догонять колонну своих соратников.

Пескарь никогда еще не уходил далеко от Города-в-Долине. Он не раз, конечно, поднимался на окружающие долину горные хребты. Один раз с десятком воинов он даже участвовал

в стычке с дикими козопасами. Правда, всё его участие свелось к улюлюканию вслед убегавшим дикарям.

Дважды взбирался он как только мог высоко на священную гору Небесный Дед, замыкавшую долину с юга. По извилистой трещине Пескарь доползал до самых Непроходимых Скал, откуда далеко на севере было видно море. Он догадывался, что это море, хотя никогда раньше не видел его вблизи. Теперь же их ждала скорая встреча.

Отряд шел по дороге вдоль сбегавшего к морю ручья, постепенно все больше удаляясь от родной долины. Давно остались позади оливковая роща, где было знакомо каждое дерево, и небольшое поле старейшины Копьё, на котором уже проклюнулся второй урожай ячменя – самое северное из угодий Города-в-Долине.

Ручей с каждой милей ширился, превращаясь в небольшую реку, и извилистые ивы вокруг небольших омутов заманивали отдохнуть в тени.

Через некоторое время облака совсем растаяли, и Пробудившийся принялся палить всё сильнее, словно чтобы поджарить Мать-Землю.

Поначалу, покинув знакомые места, Пескарь почувствовал робость, но затем она испарилась, и он воодушевился настолько, что даже отпустил несколько ободряющих реплик своим сверстникам.

Дорога была легкая – почти всё время вниз. Но щуплый Козлик всё равно начал вскоре уставать под тяжестью копья, щита, доспехов и пожитков в заплечном мешке. Хотя держался стойко, не жаловался, а только всё больше серел лицом и продолжал идти, стиснув зубы.

В середине дня, когда солнце стало особенно припекать, сделали привал под широкой сенью пальм, что росли по берегам небольшого озерца. Некоторые воины сбросили обмундирование и с шумом полезли купаться, спугнув нескольких лебедей и стайку оленей, как раз вышедших к водою. Козлик рухнул на землю, тяжело дыша. Пескарь спросил, все ли у него в порядке, но тот лишь отмахнулся.

– А ты силен, однако! – подколот его Ящерка. – Я и не думал, что ты так далеко забредешь.

У Козлика не было сил огрызаться в ответ, и он сделал вид, что не обратил на эти слова внимания.

Пескарь прошелся по биваку и нашел Рубача, который сидел под пальмой, мрачно поедая кусок вяленого мяса с луковицей. Пескарь встал чуть в стороне и почтительно обратился:

– Дядя Рубач!

Воевода дожевдал откушенный кусок мяса и ворчливо спросил:

– Чего тебе, Пескарь?

Тогда юноша подошел ближе.

– Это Козлик, дядя Рубач, – начал Пескарь. – Он старается, но...

– Воин должен сам нести свое оружие в походе, – старейшина понял парня с полуслова. – Если он будет переключивать часть бремени на соратников, то тем самым замедлит их, да и сам будет ни на что не годен. Если он не справится – такому не место в фаланге. А значит, не быть ему мужчиной.

Пескарь хорошо знал, что это значит. В городе жило несколько изгоев, чье положение было немногим лучше, чем у рабов. Ни один отец не соглашался выдать за такого свою дочь, поэтому они были одиноки, перебивались самой черной работой и вообще старались не попадаться лишним раз на глаза соплеменникам. Пескарь не знал ни одного из них по имени, и даже не был уверен, что у них были имена – детское имя взрослому человеку носить не полагалось, а взрослых они не получили, так как из-за того или иного недостатка не смогли встать в фалангу.

«Бедняга Козлик, – думал Пескарь, возвращаясь к своим пожиткам. – Так вот чего он так боится. Он ведь с самого детства предчувствовал, что его может постичь такая судьба. Я и не догадывался! А вот Ящерка... тот прекрасно понимает – и давно, – чего Козлик боится».

Тщедушный юноша уже немного пришел в себя и, прислонившись спиной к пальме, жевал кусок мяса – не постылого вяленого, а жареного, с густым мясным соком. Видимо, Бур, его отец, щедро снабдил сына козлятиной в дорогу.

Когда солнце склонилось к закату, отряд продолжил путь. Козлик сразу начал сдавать: щит, висевший, как у всех воинов, на правом плече, неловко болтался и начал бить его по задку. Копьё в правой руке то и дело попадало ему под ноги, заставляя спотыкаться. Пескарь постоянно оглядывался, пытаясь хотя бы взглядом подбодрить товарища.

Дорога свернула к западу, и теперь воины шли прямо на солнце. Пескарь взглянул в глаз бога, который в это время дня не был уже таким яростным, и ему показалось, что нем светится милосердие. И тогда он решился.

– Щит и копьё воин в походе обязан нести сам, – обратился он к Козлику. – Но про остальные вещи никто ничего не говорил. Дай мне свой мешок.

Козлик не стал спорить. Идти с двумя мешками было намного тяжелее, но для Пескаря это было вполне терпимо. Правда, неожиданно начал особенно сильно чувствоваться вес отцовского меча на левом боку – этот довесок в снаряжении был непривычен. Когда несколько тысяч шагов остались позади, мешок Козлика принял Увалень – просто подошел и забрал его у Пескаря, когда тот начал задыхаться.

Воины шли молча, без разговоров, боевых кличей и песен – к вечеру первого дня похода все чувствовали усталость.

На вечернем биваке, когда запылал большой костер, уже сам Рубач подошел к Пескарю. Он, конечно, все заметил.

– Благородный поступок, сын царя, – тихо, чтобы не услышали остальные, сказал он. – Но не обманись легкой победой. Тому, кого ты взял под своё покровительство, не выстоять в фаланге. Поверь моему опытному глазу.

– Я его все равно не брошу, – стиснув зубы, прошептал Пескарь.

– Я и не приказываю тебе бросать. Просто подумай о том, что я тебе скажу. Лучшим выходом для него было бы получить увечье в первом же бою. Такое, чтобы он не мог больше сражаться. Тогда и имя заслужит, и в дерьме всю жизнь не придется копать. Но если уронит щит...

Рубач оборвал себя на полуслове и, не дожидаясь ответа Пескаря, развернулся и, возвратившись к своему месту у костра, назначил ночных дозорных, разделив их на три стражи. Пескарь сильно устал за день и обрадовался, что сегодня ему не придётся дежурить.

Этим вечером воины пели новые песни – не те, к которым привык Пескарь. Не было буйных плясок, не было выкриков «хайи!» и угроз врагу. Песни были тихие и протяжные.

«Помни нас, помни нас, брат. Пусть имена наши ныне и впредь звучат среди славных имен наших предков. Кость, Копьеносец, Альй и Шершень. Помни нас, помни Долину камней и грозную битву. Стапель, Крыло и Крепыш, и быстрый, как молния, Смоква. Помни нас, помни сражение при Дреднах. Потир, Смелый, Толмач, Беспальный-храбрец и воевода Доска. Помни нас, помни нас, брат. В чертогах подземных бога, что мёртвыми правит, мы ждем вас в холодном дворце...»

Воины то и дело вплетали в песню все новые имена, новые места и названия битв. И если припевы-связки все они пели вместе, хором, то имена обязательно называл кто-нибудь один, и звучали они с разных сторон костра, из темноты, впиваясь в ночь и застывая на её каменной поверхности навечно. Некоторые из имен Пескарь раньше слышал – это были те воины, что не

вернулись из походов. Иные же прозвания слышал он в первый раз в жизни – видимо, эти мужи пали в бою давным-давно, раньше, чем Пескарь себя помнил. Быть может, сотню вёсен назад?..

Песня длилась так долго, что Пескарь не запомнил ее конца, провалившись в сон под оглушительное перекликанье цикад.

Ему приснилась вереница воинов, словно сотканных из тумана, уходящих во тьму. Из последних сил тащили они свои щиты и копья, и исчезали во мраке. Каждый, прежде чем кануть в пустоту, выкрикивал своё имя, но звучали они так невнятно, да к тому же память вдруг начала подводить Пескаря, – и он понял, что не может запомнить ни одного из них. «Как же так? – подумал он во сне. – Вы же должны вкушать посмертие в подземном чертоге, пусть и призрачное, но достойное! А имена ваши навечно должны оставаться в памяти людей. Почему же вы уходите во тьму, в безвестность?..»

Пескарь проснулся резко, от криков. Костёр догорал. Небо уже просветлело, но в тени гор всё ещё царилась ночь. В предрассветной тьме носились туда-сюда тени. «Что это? Кто-то напал на нас?» – подумал Пескарь, вскакивая на ноги. Он попытался было найти своё копьё, но не смог в суматохе, и вытащил из ножен отцовский меч – не стал снимать его на ночь, и тот так и висел на поясе. Но что с ним делать и куда бежать, было непонятно.

– Утомитесь вы, демоны! – услышал он грозный рык Рубача. – Всего лишь пара шакалов, стащили кусок мяса. Дурак Глазастый заснул на посту. Безглазый ты, а не глазастый!

Пескарь различил во тьме звук удара и приглушённый стон.

– Спите ещё, пока не рассветёт, а то в темноте передавите да перережете друг друга, – продолжил Рубач. – Отбой! И ты, Глазастый, тоже сгинь с глаз моих от греха подальше, последнюю стражу сам покараую.

Утром воины выглядели уже не так грозно, как накануне. Кто-то смеялся над ночным происшествием, кто-то злился на Безглазого (новое прозвище уже прилипло) – и то правда, надо ж было проспать шакалов!

Шли быстро, чтобы к вечеру обязательно добраться до Кадма. Впрочем, задача была нетрудная: дорога между двумя городами многократно исхожена и хорошо знакома, от привала под пальмами до стен Кадма было чуть меньше половины пути.

Весь этот день Пескарь и Увалень попеременно несли мешок Козлика, что очевидно помогло последнему продержаться. К концу второго дня пути он выглядел уже куда менее измотанным.

6

Издалека, с гор, море казалось просто полосой не то синего, не то серого цвета. Но чем дальше продвигался отряд воинов Грома, тем поразительнее оно становилось. И вот после очередного поворота тропа выскочила на уступ с десятков локтей высотой, и Пескарь поразился открывшемуся далеко впереди и внизу простору.

– Какое же огромное! Как небо! – выдохнул он.

Вид моря, до которого было ещё много тысяч шагов, так захватил его, что он поначалу даже не обратил внимания на большой город, примостившийся на берегу, окружённый россыпью усадеб, зеленеющих полей, виноградников и плодовых рощ.

Когда тропа наконец привела их к полям, Пескарь ощутил необычный запах, который с каждым шагом становился все сильнее. Свежий и бодрящий, но при этом как будто тяжёлый.

Оказалось, не он один обратил внимание:

– Это море пахнет, – задумчиво сказал Козлик.

Отряд обошёл небольшую усадьбу, обсаженную грабами и клёнами – хозяин, его миловидные дочери и накоротко остриженные рабы, что-то ковырявшие на полях, приветливо махали им руками, – и тогда им наконец-то открылся вид на Кадм, до стен которого оставалось не больше десяти стадиев.

Город-в-Долине не имел защитных стен. Он был построен на пологом склоне Холма посреди долины, и его пересекал текущий с Холма ручей. Правда, все дома, построенные на окраинах города, были не из необожжённого кирпича, а из камня, и проходы между ними легко было перегородить в случае надобности. Но надобность до сих пор ни разу не появилась. Ни один враг, кроме горных дикарей, не угрожал Городу-в-Долине напрямую, а козопасы редко собирались больше чем вдесятером и приближаться к городу не осмеливались. Чаще всего они нападали на женщин, что неосторожно забредали слишком далеко вверх по склонам, увлекшись сбором орехов или ягод.

Поэтому облик Кадма поразил Пескаря. Он давно знал, что портовый город огражден с берега стеной, но не представлял себе, какая она высокая – в два человеческих роста! Ни один самый ловкий воин не смог бы допрыгнуть до верха, чтобы ухватиться за край стены. Основа её была из известняковых глыб, а сама стена – из обожжённого кирпича. Она ограждала город целиком, от моря до моря, и в ней было двое ворот из тяжеленного вымоченного в воде дерева. Ворота были обиты железом – металлом, изделия из которого Пескарь до этого видел всего пару раз в жизни – и запирались на огромный деревянный засов.

Оба входа в город днем охраняли по двое стражников с копьями и обтянутыми кожей плетёными щитами, которые в случае надобности могли быстро их закрыть и запереть, а также поднять тревогу с помощью больших бронзовых колоколов – каждый размером с голову коровы.

«Когда стану царём, обязательно заведу и у нас такой колокол, – восхищенно подумал Пескарь. – Правда, нам и одного хватит».

На ночь ворота запирались, а стража у них удваивалась.

Некоторые улицы в Кадме были вымощены камнем, который, однако, часто без следа исчезал под кучами навоза, товаров или какого-то хлама и мусора.

Народу на улицах было непривычно много, и непривычно много было людей слишком худых и больных и, наоборот, слишком толстых, непрерывно потеющих, которые тоже казались Пескарю больными, хоть и были богато одеты.

Отряд из Города-в-Долине встретили в Кадме с большой радостью. Женщины-торговки одаривали воинов яблоками и финиками, мужчины кричали слова приветствия и махали руками. Но покровительственно хлопать по спине богатырей с холмов никто не решался.

Колонна прошла через весь город, который показался Пескарю просто огромным, через гигантскую рыночную площадь (она была раз в двадцать больше главной площади Города-в-Долине), на которую выходили молы порта, – к царскому дворцу.

Дворец стоял на небольшой скале и представлял собой отдельную крепость, которая показалась Пескарю просто-таки неприступной. Огражденный стенами, идущими над скальными обрывами, дворец имел свои собственные ворота, к которым вела узкая, изгибом поднимающаяся дорога длиной шагов в тридцать.

– Вот это могущество! – восхищенно сказал Пескарь.

– Крепкая рука воина – вот сильнейшая башня города, – поговоркой ответил Козлик.

«Начинаешь сомневаться в этой мудрости, глядя на здешние башни», – подумал Пескарь, но вслух крамольную мысль не высказал.

– Истинное могущество в богатстве, – вставил своё слово Ящерка. – Сколько у здешних добра – это ж страшно подумать!

На воротах дворца красной краской был нарисован символ Кадма – надутый парус, который в то же время походил на топор с широким полукруглым лезвием. Символ и силы, и богатства.

Колонна воинов втянулась по узкой дороге внутрь дворца, и ворота за ними закрылись. Внутренний дворик дворца не был таким уж просторным, но место на утрамбованной земле нашлось всем. Трое старейшин вместе с послами поднялись по коротенькой лестнице из широ-

ких каменных ступеней и исчезли в главной башне дворца – огромном здании в три этажа, где, как полагал Пескарь, должен был жить сам царь Кадма.

Во дворе оказалась дюжина воинов-кадмийцев. Многие из них были знакомы с воинами Города-в-Долине и принялись здороваться со старыми приятелями, расспрашивая о жите-быть и новостях.

Вскоре гостей позвали в трапезную, которая располагалась в одном из боковых помещений царской башни. Они побросали оружие и вещи прямо во дворе и вошли под низкий свод в помещение, освещенное лишь парой чадающих факелов, да ещё в двух маленьких оконцах-бойницах догорал вечерний свет. Здесь стояли два стола, окаймленных четырьмя узкими скамьями. Было довольно тесно, но воины все же сумели поместиться.

Несколько молчаливых женщин, которые показались Пескарю очень несчастными, внесли в трапезную большие лохани с похлебкой, которую разложили в глиняные чашки. Варёво из ячменя и тертого козьего сыра, в котором было немного мяса, оказалось не особо вкусным, но им вполне можно было набить живот после долгого пути.

Вместо устричных раковин, которыми жители Города-в-Долине привыкли есть похлёбку, выдали странные бронзовые палочки: с одной стороны на них было расширение в форме раковины, а с другой они были заострены. Пескарь обратил внимание, что некоторые из воинов довольно умело хлебают варёво этими палочками с углублениями на конце, время от времени подхватывая на острый конец слишком большие куски. Вскоре юноша услышал и название приспособления – ложка. Пошарив взглядом по столу, Пескарь обнаружил ложку, которая, видимо, полагалась ему, и сначала неловко, а потом все более умело приспособился есть с ее помощью. Ощущение было новое, забавное и скорее приятное.

Козлик тоже сразу освоил ложку, Увальню это давалось гораздо труднее, и значительная часть налитой ему похлебки оказалась на его льняном доспехе. А Ящерка предпочел обойтись без новшества и хлебал через край чашки, помогая себе руками.

Еще меньше, чем трапезная, Пескарю понравилось отхожее место во дворце. Оно было у стены, выходящей в море – несколько дыр в деревянном настиле нависали над обрывом. При этом сам настил ничем не отделялся от внутреннего двора, и справлять нужду приходилось на глазах у всех, кто в это время во дворе находился.

На ночлег воины улеглись здесь же – кто во внутреннем дворе, кто в трапезной, на столах и под ними.

Старейшина Копьё, в сильном подпитии, ненадолго вышел из главной башни дворца и, с трудом ворочая языком, сообщил воинам Грома, что поход против пиратов будет скоро, но точно не завтра. Поэтому можно пировать. После этого Копьё вновь скрылся в башне, а воины-кадмийцы вытащили откуда-то из закровов дворца амфору, полную вина, откупорили её и раздали гостям кубки. Чашу для развлечения вина тоже достали, но она оказалась слишком маленькой на такую ораву, поэтому воины стали пить вино неразбавленным, как дикари. Началось какое-то дикое, разнузданное веселье, которого Пескарю до сих пор не доводилось видеть. Каждый торопился напиться допьяна как можно быстрее, словно куда-то опаздывал, и в скором времени почти все набрались до безобразия.

В какой-то момент один из кадмийцев поймал не ко времени подвернувшуюся женщину – одну из тех хмурых, что прислуживали за столом – и стал сношаться с ней прямо посреди двора, у амфоры с вином. Воины подбадривали его ритмичными криками, а потом стали смеяться один за другим.

Ящерка занял очередь, а Пескарь, хоть и был уже очень хмельной, не мог избавиться от омерзительного чувства.

– Что скажет её отец, когда узнает? – спросил он у одного кадмийца.

– У неё нет отца, – усмехнулся воин. – Это царская рабыня. Царь уже давно насытился ею и подарил воинам. Так что можешь не стесняться.

В Городе-в-Долине рабов почти не было. Сколько знал Пескарь, их было всего двое – оба почти старики. Воины Города-в-Долине редко приводили пленников из военных походов, потому что с работой справлялись сами, а рабов нужно было бы кормить. Ни об одной женщине-рабыне юноша до сих пор не слышал. «И хорошо, что у нас их нет», – подумал Пескарь.

Он поднялся на стену, чтобы оказаться подальше от неприятной его взору сцены. Козлик уже спал в углу двора пьяный, а Увалень привычно пошёл следом за своим вожаком.

– Как-то это неправильно, – сказал Пескарь.

– Угу, – пьяно кивнул Увалень, и сын Тверда осознал, что тот даже не понимает, о чем идет речь.

– Вот проклятье! Одна пакость от этого вина.

– Угу, – снова кивнул Увалень и приложился к своему кубку.

– Иди спать, Увалень, – разрешил Пескарь, и тот, снова кивнув, послушно почапал вниз, во двор.

Пескарь отвернулся и стал смотреть со стены на город и море.

Глаз Пробудившегося давно закатился за горизонт; море и небо над ним были черными, как смола. С той стороны раздавался шум волн. Пескарь вдруг подумал, что за целый вечер так толком на море и не поглядел. Понял лишь, что оно совсем не такое, каким он ожидал его увидеть. Как и Кадм. Как и другие люди. Как и всё вообще. От последней мысли хмельная голова закружилась.

В городе горело несколько огней: факелы у наёмной охраны, что стерегла товары, сложенные рядом с пирсами на площади; несколько масляных светильников на кораблях, да иные окна на вторых этажах домов тоже были освещены.

Теперь Пескарь смотрел на Кадм уже без прежнего восхищения. Что-то в нем было глубоко неправильно. Но что именно?..

А может быть, он просто тоскует по родному дому? Первое восхищение новизны прошло, и теперь на чужбине всё кажется ему неудобным?

Он понимал, что эти вопросы выше его разумения. Во всяком случае, пока. Во всяком случае, пока он так пьян.

7

Море было поразительным. Такое же величественное, как горы. Такое же непостижимое, как глаз Пробудившегося. У самого берега – изумрудно-зеленое, а дальше синее, потом серое... оно словно вобрало в себя все возможные цвета сразу. И пахло оно, как огромный незнакомый зверь.

Проснувшись на рассвете, Пескарь первым делом взобрался на стену, чтобы взглянуть на него, и задохнулся от восхищения.

– Оно везде такое? – спросил он у стражника, дежурившего на стене и явно мучимого похмельем. – Его ещё много?

– Море? – стражник сразу понял причину восхищения юноши. – Да, оно очень большое. То, что ты видишь – это Кадмийский залив. Он часть Ядарского моря. Если приглядишься внимательно, вон там, видишь, на самом горизонте? Как будто маленькое пятнышко? Это Раадос.

– Это дня два пути! – предположил Пескарь.

– Если пешком топать, то где-то да, – кивнул стражник. – А на корабле, при хорошем ветре, можно меньше чем за день добраться. На веслах в штиль, конечно, намного дольше.

Пескарь был совсем не знаком с мореходным делом, и что такое «на веслах» представлял себе лишь очень примерно, а слово «штиль» не вызвало вообще никакого отклика в памяти.

В Кадмийском заливе было разбросано немало островов, и Пескарь подумал, что ни за что бы не смог определить, сколько их всего. Кое-где на водной глади виднелись малюсенькие паруса рыбацких лодок.

– Пить хочешь? – участливо спросил стражник и указал на деревянную лохань, стоящую у стены, с прикрепленным к ней цепью черпаком.

Только тогда Пескарь осознал, что гнетущее чувство во рту – сродни жажды, и зачерпнул из лохани черпаком. Вода показалась ему бесконечно вкусной, почти сладкой. Он сделал такой большой глоток, что даже закашлялся, чем вызвал добродушный смех стражника.

– Ты, я смотрю, к вину не привычен, воин? – спросил стражник.

– Я ещё не воин, – откашлявшись, ответил юноша. – Это мой первый поход. А значит, вино мне пока не полагается. Если, конечно, не удастся стянуть. Меня зовут Пескарь, – добавил он и протянул руку.

Они пожали друг другу локти.

– Я Копер, – представился стражник.

Сколько мог определить Пескарь, Коперу было вёсен двадцать пять. На нем был пластинчатый доспех, то ли старый, то ли изначально неряшливо изготовленный – слишком большие зазоры оставались между пластинками, ненадежно стянутыми кожаными петлями. На голове – уродливый медный шлем, больше всего походивший на перевернутую миску, в руке – короткое лёгкое копьё с железным наконечником. Щита при нём Пескарь не заметил.

– Значит, ты в бою ещё не был? – спросил Копер.

– Нет. Но, думаю, этот день уже близко, – с вызовом ответил Пескарь.

– Ты не думай, я не в упрек говорю, – примирительно поднял руку стражник. – Я ведь тоже пока ещё ни с кем не сражался.

Пескарь удивился:

– Правда? Но ты же воин?

– Я слышан о порядках у вас, в Городе-в-Долине, – сказал Копер. – У нас, кадмийцев, не так. Воином называется не тот, кто воевал, а тот, кому царь дает в руки оружие. У нас есть старики, всю жизнь прослужившие стражниками и ни разу не проливавшие крови. Ну, если не считать пьяных драк с заморскими корабельщиками да с местными смутьянами.

– Неужели у Кадма так мало врагов? Я слышал иное.

– Врагов хватает, и битв бывает немало, – подтвердил Копер. – Но и воинов у царя Василия много. Одни ходят в походы, другие всё больше остаются здесь, на страже. Так же было и при его отце – царе Петере. Я начал служить ещё при нём, при старом царе, девять вёсен назад. Один раз ходил в поход на таглаков, но до битвы тогда так и не дошло – чернорукие просто разбежались, попрятались в горах. Мы хорошенько разграбили их селения и осенью вернулись в Кадм.

– А где твой щит? – спросил Пескарь.

– В караулке, – усмехнулся Копер. – Незачем таскать его без дела.

– А много вы тренируетесь?

– Не очень, – признался стражник. – Во всяком случае, меньше, чем вы – если правда то, что я слышал. Воины Города-в-Долине все учатся биться в едином строю. У нас же фалангитов не так много – в основном только царские гардерии, личная охрана Василия. У них и доспехи из толстой бронзы, и большие щиты, как у вас, и шлемы с гребнями из золочёного конского волоса. Они все богатеи, у каждого свой дом в городе.

– А ты? У тебя даже нет своего места в строю?

– Я учился биться в разреженном строю, с легким щитом и тремя копьями.

– И хорошо умеешь метать копьё?

– С десяти шагов попаду в голову. Если повезёт, – улыбнулся Копер. – Боюсь, не вышло из меня Геллака, великого героя древности.

Он подошел к бочке, зачерпнул воды и сделал несколько глотков.

– А хорошо вчера погудели, – заметил стражник. Пескарь ничего не ответил на это и снова посмотрел на море. Оно всё было испещрено небольшими холмиками волн, которые блестели в солнечном свете, как тщательно начищенное серебро.

– Море – оно всегда такое бурное? – спросил Пескарь. – Эти волны могут перевернуть корабль?

– Ты что, сейчас считай тишь! – рассмеялся Копер. – Такие волны совсем неопасны. Вот осенью и зимой бывают шторма – волны размером с дом, и даже больше. Их брызги долетают даже досюда, до стен царского замка.

Пескарь раньше не слышал слово «замок», и оно ему понравилось.

– Надо же! Я почти ничего не знаю, – полувслух удивился Пескарь.

– А почему тебя зовут Пескарь? – спросил кадмиец.

– Меня так прозвали, когда я увернулся сразу от двух камней, которые Левша и Финик кинули одновременно с двух сторон, – ответил юноша. – Я очень ловкий и быстрый.

– Да, я заметил, – вполне серьёзно кивнул Копер. – Ты ходишь, как кошка.

Пескарь снова ненадолго замолчал, глядя на море, а потом спросил:

– У тебя есть рабы?

– У меня пока и дома-то нет! – махнул рукой стражник. – Я живу в казарме рядом с портом. Но как скоплю денег, обзаведусь своим углом... открою лавочку или вложусь в корабль на паях. Только это рискованно, уж лучше финиками и бананами торговать.

Пескарь не совсем понял, что имел в виду собеседник, но решил не переспрашивать – и так он уже выглядел перед Копером, словно не царский сын, а козопас-деревенщина; хотя его новый знакомец, пожалуй, и не догадывается, что разговаривает с сыном царя Тверда.

– Ну, бывай, Копер, – сказал он словоохотливому стражнику, спускаясь во двор, где потихоньку просыпались от тяжёлого пьяного сна его соплеменники.

– Бывай, Пескарь, – кивнул кадмиец.

8

Целый день ничего не происходило. Воинов Города-в-Долине ещё раз покормили и предоставили самим себе. Некоторые улизнули через ворота в город, но большинство остались в замке и принялись разминаться и тренироваться в обращении с оружием, хоть места во внутреннем дворе было и маловато.

Вскоре к ним присоединились старейшины Силач и Копьё, но толком тоже ничего не рассказали. Понятно было, что вскоре предстоит выступить в поход, но когда именно, и как всё будет – оставалось непонятным.

Увалень тренировал удар под щит с пожилым воином по имени Резак. Ящерка присоединился к тем, кто потихоньку сбежал в город. Козлик нашёл где-то кусок дерева и принялся с помощью ножа вытачивать из него собственную ложку. Ложка получалась не такой изящной, как её бронзовые сестры, но всё равно выглядела довольно сносно.

Пескарь набрал камушков и стал метать их из пращи со стены в море, тренируя силу и дальность броска.

Копер, всё ещё стоявший на часах, заинтересовался меткостью Пескаря, и тот на спор со второй попытки убил парившую над волнами чайку. Пескарь выиграл медную монетку, на которой был отчеканен профиль царя. Ни её реальной ценности, ни что с ней в принципе можно сделать, юноша не знал – в Городе-в-Долине деньги были не в ходу, люди обменивались вещами без них. Копер сказал, что на медного Василия на базаре в порту можно купить две ладони фиников или одну ладонь жареных орехов.

Пескарь спрятал монету в карман на поясе, среди запасных камней для пращи.

Когда солнце перевалило за полдень, и воины спрятались от его гнетущего зноя в трапезной, Пескаря поймал за руку Козлик.

– Тебя Рубач зовет, – шепотом сказал он. – Пойдём.

Козлик провел Пескаря через внутренний двор к незаметной дверке, за которой оказалась короткая лестница, окончившаяся коридорчиком с деревянным полом.

Козлик уверенно толкнул одну из выходящих сюда дверей, запустил внутрь Пескаря и ушел.

В комнатке было небольшое стройное окно, узкая деревянная кровать, показавшаяся Пескарю роскошной из-за резных набалдашников в форме каких-то диковинных рыб. Стены были увешаны оружием. На кровати сидел Рубач и крутил в руках меч, явно незадолго до этого снятый со стены.

– Пескарь? – мрачно спросил Рубач. – Заходи, мальчик, сядь рядом, – позвал он. Юноша подчинился.

– Видишь этот клинок? – спросил воевода. – Железо.

Старый воин взвесил в руке махайру, как называют её в Патамосе и Оксосо – изогнутый меч длиной в локоть, с заточкой по внутреннему краю – таким нужно было не резать или колоть, а рубить, причем хорошим ударом вполне можно было бы отсечь руку или ногу.

Пескарь сразу заметил, что меч грубой работы и не очень хорошо заточен, а также покрыт ржыми пятнами ржавчины.

– Когда я был твоих вёсен, этой дряни вообще ещё не было, – продолжил старейшина. – А теперь – хоть пруд ими пруди! Такую вот штуковину можно обменять на три десятка козих шкур, даже на два десятка, если не очень рваных. И ещё меньше, если скопом брать. Скоро каждый дикарь, который сейчас ходит с костяной дубиной, такую сможет себе соорудить. Две весны назад один кадмийский торговец приезжал в Город-в-Долине и сказал, что у нас тоже есть подходящая земля, из которой можно выплавлять железо. Знаешь болотный угол, за озером, с другой стороны от Холма?

– Да. Там топко, туда козы не любят ходить. Но можно наловить лягушек, – сказал Пескарь.

– Вот-вот... Лягушачьи мечи! – с отвращением произнес Рубач и изо всех сил воткнул клинок в доску пола. Оружие здорово погнулось вдоль ржавого пятна. – Не могу я понять этого железа. Одно – дрянь дрянью, как медь, хоть прямо руками его мни, другое – крепкое, не гнется, но того и гляди сломается. А ещё гниёт, особенно если намочить. То ли дело добрая бронза! Никакая ржа её не берёт. Каждый меч, каждый наконечник копья – настоящее сокровище, и цену ему знает любой бродяга. благородный металл для благородных воинов!

– Мне тоже бронза больше нравится, – вежливо поддакнул Пескарь.

– Ну да ладно, – сказал Рубач, немного помолчав. – Я не затем же тебя звал. Завтра с рассветом мы отплываем на Раадос, потом передашь воинам. А пока нам надо поговорить.

Старейшина снова замолчал. Редкий для него выплеск эмоций, сопровождавшийся многословием, завершился. Теперь Рубач вновь говорил скупно.

– Ты будущий царь. Твой отец просил приглядеть за тобой. В фаланге встанешь от меня слева, а слева от тебя будет Копьё.

– В первом ряду?! – задохнулся от изумления Пескарь. Молодые воины в первом бою всегда вставали во второй ряд строя, а то и в третий, если фаланга строилась более плотно.

– Да. Ты должен сразу показать себя. А мы поможем. Неизвестно еще, решатся ли раадосцы выставить против нас фалангу. Вообще-то они неплохие бойцы – если загнать их в угол. Но это не главное. Это дело завтрашнего дня. А у тебя будут дела ещё и сегодня. Царь Кадма хочет тебя видеть. Я сказал, что ты ещё не воин. Чтобы подождать окончания войны. Но он хочет. Он царь. Ты – будущий царь. Так что жди, ближе к закату. Тебя найдут и проведут в его покои.

– Я... я должен знать что-то особенное? О том, как с ним общаться?

– Откуда я знаю?! – немного разозлился Рубач, но тут же взял себя в руки. – Не груби. Не дерись... Не плюй и не сморкайся на пол.

– Я и так никогда не плюю и не сморкаюсь на людях, – немного оторопел Пескарь.

– А я вот плюю, проклятый Ад, – тихо выругался Рубач, явно имея в виду какую-то конкретную неприятную историю.

Пескарь произвольно сделал правой рукой защитный знак, отгоняющий злых духов – вне храма нельзя было произносить запретное имя бога мертвых. Да и в храме лучше было от этого воздерживаться.

– Ладно, иди, Пескарь. Не забудь сказать воинам, чтобы завтра на рассвете были готовы. И чтоб сегодня не напиваться! И скажи, что я сам потом выйду, проверю, и если кто двух слов связать не сможет – не поздоровится.

Козлик ждал Пескаря у двери во внутренний двор.

– Что, к царю позвали? – спросил он.

– Откуда ты знаешь? – удивился Пескарь.

– Тоже мне, тайна богов, – усмехнулся Козлик. – Странно еще, что тебя вчера не позвали на пир к Василию. Ты же царский сын! Это называется политика.

– Слушай, Козлик, – с надеждой спросил Пескарь. – Может, ты знаешь о том, как с этим царем себя вести? Он, похоже, жутко важный тип, не то что мой отец.

– Ну, вообще-то цари с царями разговаривают запросто, они же друг другу равные. Но пока ты сам не царь, и даже ещё не воин. Поэтому тебе, конечно, лучше правила соблюдать.

– Какие правила?

– Самое главное, что я знаю: с царем Кадма нельзя первому заговаривать. Только если он тебя спросит – отвечай. А если сам хочешь что-то сказать, то нужно обязательно спросить позволения. Причем желательно не вслух, а просто сделать такой вид, что хочешь спросить, а он должен сам догадаться... Или ну я не знаю. А, и обращаться к нему надо ни в коем случае не по имени, а «владыка». Ну, или хотя бы просто «царь», но с каким-нибудь приятным славословием при этом.

– Ну ты даешь, Козлик! – восхитился Пескарь. – И откуда ты всего этого набрался? Ты же столько всего знаешь, как жрец!

– Жрец! – кисло усмехнулся Козлик. – Сыну козопаса не по карману стать жрецом, особенно такого ленивого, как мой папаша.

– Так ты правда хотел бы быть жрецом? – Пескарю только сейчас пришла в голову эта простая мысль – настолько несвойственно ему до сих пор было проникать в чувства и желания других людей; он привык по-детски мерить всех по себе.

Козлик в ответ только обреченно махнул рукой.

К ним подошел Увалень.

– Ты где был, Пескарь? Есть новости?

– Есть, – кивнул царский сын. – Передай воинам приказ Рубача: завтра на рассвете выступаем. И чтобы сегодня не напивались поэтому.

– А что, кто-то и сегодня стал бы?! – удивился Увалень. – Мне до сих пор плохо, я даже думать об этом адском вине не могу.

Пескарь сделал отгоняющий знак рукой; Козлик не обратил на слова Увальня никакого внимания.

– Что это вы все сегодня заругались? – спросил Пескарь. – Дома я от тебя такого ни разу не слышал.

– А? Да здешние воины – они все время так. Некоторые только проклятиями и разговаривают. Я вот тоже уже от них набрался, – искренне ответил Увалень.

– Брось, не надо. Нехорошая это привычка, – посоветовал Пескарь.

– Боишься гнева богов? – в вопросе Увальня просквозил суеверный страх.

– Да не столько... есть ли богам до этого дело? Просто противные какие-то у них здесь порядки. Если и учиться чему у кадмийцев, то чему-нибудь хорошему. А не распушенности и безразличию ко всему на свете.

– Ага! – протянул Увалень, и Пескарь увидел, что тот вряд ли вполне его понял.

– Ладно, не загружай голову. Иди скажи воинам про завтра. И добавь, что Рубач сам будет вечером проверять, не напился ли кто.

– Хорошо. А ты куда?

– Поднимусь на стену. Надо мысли проветрить.

9

Сначала Пескарю показалось, что трон Василия целиком сделан из золота. Только чуть позже он догадался, что это дерево, покрашенное золотой краской. Подлокотники трона скалились львиными головами.

Сам тронный зал был не такой уж большой, размерами поменьше трапезной для воинов внизу. Но был богато украшен. Стены драпированы гобеленами, раскрашенными фигурами людей и животных, причем каждый представлял какую-то сцену. Особенно запомнилась Пескарю охота на большого зверя – юноша подумал, что это должен быть тигр. В него тыкали копьями сразу с десятков воинов, а он злобно щерился, подняв одну лапу.

Повсюду по залу были расставлены тумбочки, шкафчики и этажерки, усыпанные драгоценностями, фигурками и мудрёными приспособлениями: гребни для волос и бороды, заколки, лампы, браслеты, свитки... С ними соседствовали мягкие стулья и скамьи, на которые тут и там были накинуты дорогие ткани и разноцветные шкуры.

Правда, естественный свет сюда почти не проникал – окон было всего два, оба в одной стене, и слишком узкие. Поэтому большую часть сокровищ разглядеть было нелегко.

В одном углу стояла мраморная статуя голой женщины в натуральную величину, очень красивой. Женщина одной рукой стыдливо прикрывала свое лоно, другую же, наоборот, игриво запустила в волосы.

Напротив нее, в противоположном углу, виселось чучело медведя с жуткими живыми глазами.

У стен располагались алтари божеств. Пескарь заметил Быстроногого – бога мудрости, гонцов и торговли, Дарующего – бога домашнего очага и уюта, и Росу – богиню любви и красоты. Возможно, были ещё, но в общем пышном убранстве комнатные святилища терялись.

Больше всего внимание Пескаря привлекло странное приспособление – высокая ажурная конструкция, в которой зачем-то журчала вода – словно ручей прямо в комнате! Правда, вместо обычного русла в этой штуке была сделана целая лесенка из качающихся, разукрашенных медных чашечек, которые висели одна над другой, и вода перетекала через них в хитрой последовательности. «Что это, интересно? – заинтригованно подумал Пескарь. – Алтарь Текущего – бога морей и рек?»

Царь не ждал Пескаря в зале, а появился некоторое время спустя, когда юноша хоть немного освоился и перестал бояться каждым движением задеть и уронить какую-нибудь безделушку.

Это был пожилой мужчина с огромной вьющейся бородой, в которую были вплетены несколько золотых и серебряных колец. На нем была длинная просторная туника до пола, которая, однако же, не скрывала солидного живота. На голове царя возлежала золотая диадема с тремя большими разноцветными камнями в центре.

Пескарь был уверен, что царь воссядет на свой трон, стоявший на небольшом возвышении, и начнет свысока вещать мудрёные пророчества. Вместо этого тот направился напрямик к юноше.

– Ты Пескарь? – спросил он, ласково улыбнувшись. Пескарь неуверенно кивнул, а царь вполне дружески обеими руками пожал его локоть. – Я Василий, царь Кадма. Присядем же, друг мой!

Василий широким жестом указал на одну из широких скамей с резной спинкой и мягким сиденьем. Он взял юношу за руку, утянул его и усадил подле себя.

– Ведь правда же, храбрый Пескарь, мы будем друзьями? – продолжил он. Голос у царя был глубокий и проникновенный. Торжественную ауру величественности этого человека портило только бесформенное брюхо.

– Ты ведь сын Тверда, не так ли?

– Да, владыка, – почтительно ответил Пескарь. После такого радушного приема он ждал уже было, что совет Козлика не понадобится, что сейчас царь замашет руками и воскликнет что-нибудь вроде: «Зови меня просто папой», – но ничего подобного не произошло.

– Разве это не чудесно, мой мальчик? – улыбка не сходила с уст Василия. Тут только Пескарь обратил внимание, что на шее у него висит тяжелое ожерелье из золотых прямоугольных плашек, на каждой из которых – своя сложная гравировка. – Как поживает твой отец, царь Города-в-Долине? Здорова ли матушка?

– Спасибо, владыка, всё прекрасно, и все здоровы.

– Как чувствуют себя ваши стада? Хороший ли собрали урожай? – царь спрашивал с таким участием, словно действительно искренне волновался за достаток своих соседей.

– Великолепный урожай, многозаботливый царь, – дипломатично продолжал Пескарь. – И осенний, думается, будет не хуже. Думаю, в этом году мы отправим в сребробогатую гавань благословенного Кадма не меньше товаров, чем в предыдущем.

– Это ли не учтивейший из ответов? – похвалил юношу царь. – Я полагаю, нынешний поход наших объединенных армий окончится блистательной победой, как было и прежде. Не сомневаюсь, что ты покроешь себя славой и совершишь немало подвигов, подобно Адму и Геллаку, великим героям древности. А значит, как следует по законам вашего города, ты получишь взрослое имя и займёшь причитающееся тебе по праву место в фаланге воинов. А вместе с тем и станешь полноправным наследником царя Тверда.

Если честно, Пескарь ни разу не представлял себе свое будущее в такой чёткой и ясной последовательности. Будучи безбородым мальчишкой в своем городе, он почти ничем не отличался от сверстников. Конечно, жил он богаче прочих, с юных вёсен у него была отдельная комната в пристройке отцовского дома – такая роскошь другим детям и не снилась. Но воины города относились к нему так же, как к прочим юнцам, не делая никаких предпочтений. Если случалось ему набедокурить, он получал подзатыльники так же, как и все остальные. Вместе с прочими детьми пас коз, помогал в работе на полях, в строительстве и ремонте. Точно так же, как и все остальные мальчишки-подростки, учился стойко биться в фаланге. И только сейчас со всей отчетливостью он понял, что ему уготована иная судьба – не такая, как прочим приятелям его детских забав. Впервые ярким отсветом мелькнула перед ним фантазия о будущем – неопределённом, но без сомнения блистательном. И эта фантазия показалась ему до помрачения привлекательной.

– Если богам будет угодно, владыка, – хрипловато ответил Пескарь, почувствовав неожиданную сухость во рту.

– Ну что ж, в таком случае, нам не раз ещё придется преломить вместе хлеб! – обрадовался Василий и дважды звонко хлопнул в ладоши. Тут же в комнату вбежала миловидная девушка, полноватая, но все же вполне стройная и с хорошей осанкой.

На ней была туника, затянутая на поясе, очень красиво подчеркивавшая прелести её фигуры, из чудесной переливающейся жёлтой ткани. На шее висело богатое монисто, а в ушах – золотые серьги. Каштановые волосы её были уложены как-то сложно, со множеством драгоценных заколок – Пескарю ни разу не приходилось видеть ничего подобного у женщин в Городе-в-Долине.

Девушка ловко несла в руках поднос, на котором стояли два украшенных драгоценными камнями золотых кубка, прозрачный графин с темно-рубиновым вином и сладости в аккуратной золотой чашке.

Очень грациозно лавируя между предметами мебели, загромождавшими тронный зал, она приблизилась к мужчинам и поставила поднос на столик, оказавшийся позади скамьи. Пристраивая поднос, она нагнулась вперед, между царем и сыном царя, ее спина прогнулась, из-за чего особенно явно обозначились под туникой упругие округлости её манящей фигуры. Девушка ненадолго задержалась в такой позе, улыбнувшись Пескарю.

– Позволь тебе представить мою дочь Саризу, – сказал царь, пока девушка разливала вино по кубкам. – Сегодня она будет прислуживать нам.

Сариза закончила свою работу, отошла в сторону и скромно села в отдалении на мягкий пуфик, моргая длинными ресницами и не спуская взора с Пескаря.

– Попробуй вино, Пескарь, – предложил царь. – Прекрасный букет, оно приплыло в Кадм за полмира, из далеких виноградников Идрии.

Юноша поднял тяжелый кубок, приложился к нему и действительно был восхищен – ни разу ему не приходилось пробовать напитка со столь чарующим вкусом.

– У меня просто нет слов, владыка, – искренне сказал Пескарь. – Вино великолепно, словно солнечный луч в дождливый день.

– Отведай сладостей, – предложил царь. Юноша снова подчинился, взяв из чашки небольшой кусочек пастилы. Лакомство было сладким, но немного кислило, что придавало ему свежести.

– Восхитительно, велешедрый царь, – сказал Пескарь.

Василий, казалось, был доволен его ответами:

– У меня четверо детей, мой друг, – сказал он. – Старший сын, Параций – мой наследник, ведёт дела в порту. Средний, Туруп, – начальник войска, ты видел его среди послов в Городе-в-Долине. Младший сын Пикул родился всего одну весну назад. К сожалению, его мать, царица Верия, умерла родами. Помимо сыновей, боги благословили меня одной дочерью. Не правда ли, Сариза хороша собой?

– Она прекрасней, чем это вино и эти сладости, высокочестный царь, – нашелся Пескарь, бросив взгляд на девушку.

Сариза тут же отреагировала:

– Спасибо за эту незаслуженную похвалу, прекрасный воин, – голос её оказался очень мелодичным.

Василий рассмеялся.

– Смею надеяться, она прекрасней всех вин и всех сладостей мира! – с хитрой улыбкой заметил он. – Что ж, я рад, что вы поладили. – Он на мгновение замолчал. Вдруг со стороны рукотворного ручейка из медных чашечек, который Пескарь принял за алтарь Текущего, раздался мелодичный звон – как будто удар маленького гонга. Юноша лишь немного удивился, но царь почему-то принял этот звук за руководство к действию, – эх, мы так мило болтаем, что я хотел бы делать это целую вечность! Но государственные дела требуют моего участия. Боюсь, придётся внять их требованиям, как бы ни хотелось мне продолжить общение с тобой, сын царя!

«Да ведь он врёт! – неожиданно догадался Пескарь – Нет у него никаких дел». Первый раз в жизни он так ясно понял, что слышит ложь.

– Если тебе что-нибудь понадобится, не стесняйся обращаться ко мне, мой юный друг! – продолжил Василий. – Надеюсь, мы ещё увидимся, когда ты вернёшься с победой, – царь снова двумя руками пожал локоть Пескаря и, не дожидаясь ответа, встал. – Сариза, проводи нашего гостя.

Юноша не успел моргнуть, как царь уже исчез из тронного зала. Девушка грациозно поднялась со своего пуфика – Пескарь обратил внимание, что она все движения совершает с каким-то подчеркнутым изяществом – подошла к Пескарю и прикоснулась к его руке.

Прикосновение было мягким и неожиданно очень приятным. Сариза потянула юношу за собой, и тот, подчинившись, поднялся на ноги. Ступая медленно, она ставила одну ногу точно перед другой, так что Пескарь не мог не залюбоваться волнительным движением её бедер.

У самой двери, выводящей из тронного зала, она неожиданно обернулась к нему, обхватила его руками (юношу опьянил терпкий запах духов) и нежно поцеловала в щеку, после чего прошептала на ухо:

– Надеюсь, мы еще встретимся, сын царя, – после чего мгновенно исчезла за одним из гобеленов – не то в двери, не то в потайной нише.

Пескарь перевел дух и покинул царские покои.

10

– Расскажешь, что там было? – спросил Козлик, когда тем вечером они устраивались на ночлег во внутреннем дворе замка.

– Я до конца не уверен, – ответил Пескарь и добавил не без самодовольства, – но, по моему, царь сватал за меня свою единственную дочь.

Козлик уважительно задрал брови:

– Прекрасный ход!

Пескарь не очень понял, что он имеет в виду, но решил не переспрашивать.

Поблизости пытался лечь поудобнее Ящерка.

– А знаете, что я слышал в городе? – спросил он и продолжил, не собираясь дожидаться ответа, – что раадосцы заключили союз с кентаврами, которые собираются напасть на Кадм не позднее нынешней осени.

– С кентаврами? – удивился Пескарь. – Ты имеешь в виду полулюдей-полулошадей?

– Их самых, – совершенно серьезно кивнул Ящерка.

– Где же они их отыскали? – недоверчиво спросил Пескарь.

– Я-то откуда знаю?

– Кентавры живут за землями таглаков и тураков, в Плоских землях, – пояснил Козлик. – Не думаю, что раадосским пиратам было бы легко стакнуться с ними. Никогда не слышал, чтобы кентавры забирались так далеко на север. Да им и неудобно должно быть ползать по камням и горам на своих копытах.

– Козы же как-то ползают, – сказал Ящерка. – И козлики.

– И ящерики тоже прекрасно себя на камнях чувствуют, – вспыхнул Козлик.

Ящерка ответил своей привычной полуулыбкой и не добавил ни слова.

– Думаешь, не может быть? – спросил Козлика Пескарь.

– Почему, может. Все когда-то бывает в первый раз.

– «Все когда-то бывает в первый раз», – повторил Пескарь, словно пробуя эту фразу на вкус. – Знаешь... я вообще не уверен, что слышал в своей жизни что-нибудь более умное.

Козлик засмеялся, польщённый:

– Дарю! Пользуйся на здоровье.

Эту ночь Пескарь спал неверным сном. Часто просыпался, ворочался на земле, замотавшись в плащ. К тому же под утро закапал небольшой дождик, стало прохладно и особенно неуютно. Воины Города-в-Долине были привычны к разным трудностям, но Пескарь в конце концов всё же окончательно проснулся и решил подняться на стену. Стражник, дежуривший здесь в этот раз, был ему незнаком. Они обменялись с Пескарём кивками.

Занималась заря. Из-за далёких алеющих гор на востоке поднимался глаз бога, полускрытый тучами.

– Здравствуй, Пробудившийся! – тихо сказал Пескарь. – Сегодня я пойду в бой. Буду убивать врагов, а может быть, сам погибну и приду в чертог твоего младшего брата уже воином. Надеюсь, ты наведишь меня там, тогда мы сможем наговориться вдоволь, и я задам тебе все

вопросы, на которые не могу ответить сам. Ты всё знаешь, ты всё разъяснишь мне. Но лучше всё же было бы нам встретиться попозже. Ты не против? Скажешь мне, когда решишь.

Вскоре во двор вышел Рубач и громким кличем разбудил воинов:

– Вставайте, сыны Грома! Настало время обагрить копьё кровью врагов!

Воины быстро разобрали оружие и вещи. Из замка вышли натошак – Рубач пообещал, что завтрак будет на корабле.

В порту их уже ждали два узких и длинных, как шуки, судна: длиной шагов сорок, а шириной – всего шесть-семь; с высокими бортами, на которые приходилось забираться с низких, практически на уровне воды, деревянных пирсов.

Корабли произвели на Пескаря сильное впечатление. Он уже видел их с замковой стены, но издали не мог разглядеть множество мелких деталей и украшений. Если бы его попросили закрыть глаза и описать их, он бы не сумел ничего толком припомнить – непривычному глазу было просто не за что уцепиться.

Сразу бросалась в глаза только форма – вытянутый вперед и вниз нос, который, как он уже знал, завершался бронзовым тараном, наполовину уходящим под воду, и загнутая вверх, словно рыбий хвост, корма.

В центре каждого корабля возвышалась большая мачта, а почти на самом носу – еще одна, намного меньше. Все борта были испещрены рядами весел. Да еще нельзя было не заметить огромные глаза, нарисованные на боках кораблей в носовой части – так что в целом судно походило на гигантскую курносую рыбу – настоящее морское чудовище.

– Трёхгребные галеры, – уважительно определил Козлик. – Посмотри, весла идут в три ряда. Это самые быстроходные из боевых кораблей.

Лицо Пескаря выразило немой вопрос, и Козлик легко разгадал его:

– Да вот уж знаю! Потому что слушать надо, когда умные люди рассказывают, а не ушами хлопать. Про корабли мне старейшина Копьё много рассказывал. Я так понял, что он явно к мореходному делу неравнодушен.

Перед пирсами толпился большой отряд кадмийцев. Пескарь подумал, что их должно быть не меньше полутора сотен.

Подойдя к своим союзникам в плотном строю, воины Города-в-Долине несколько раз прокричали боевой пеан: «Хайи! Кровавые копьё!» Кадмийцы встретили их одобрительным гулом.

Пескарь обратил внимание, что бойцы Кадма вооружены в целом хуже, чем его соплеменники, и даже хуже, чем Копер, с которым он давеча познакомился: в лучшем случае они носили стёганки, набитые волосом, или кожаные нагрудники с нашитыми тут и там бронзовыми пластинками. Некоторые воины вообще не имели доспехов и были облачены в простые туники. Даже шлем был не у каждого: у иных на голове были войлочные шапки или крестьянские круглые шляпы с широкими полями; но чаще всего встречались простые бронзовые шлемы-колпаки конической формы, с заострённой макушкой, без нащёчников и наносников. Щиты у них были лёгкие, сплетённые из веток или тонких досок и обтянутые снаружи воловьей кожей, по форме чаще всего большие прямоугольные – но иногда попадались овальные, с выемкой по краю в форме полумесяца.

Почти у всех воинов в руках было по три лёгких копьё: два, чтобы метнуть во врага, последнее – чтобы сражаться врукопашную. Вторым оружием, помимо кинжалов, кадмийцы носили булавы самых разнообразных форм и размеров: деревянные, бронзовые, железные, с клювами, с шипами, или просто с шаром на конце, а также лёгкие топоры в форме утиного носа.

У самого пирса подходящий отряд ждали три жреца.

Рубач остановил колонну и приказал своим людям построиться в боевой порядок. Воины Грома тут же заняли свои места в фаланге. Пескарь думал, что сразу после этого начнется богослужение, но жрецы, казалось, ждали ещё кого-то.

Этим кем-то оказался царь Василий – его принесли на лёгком троне, укрепленном на двух длинных шестах, четыре мускулистых, коротко остриженных раба. Следом за носилками шёл десяток воинов в богатых бронзовых доспехах и шлемах с гребнями из раскрашенного конского волоса, с огромными круглыми щитами и длинными тяжёлыми копьями – царские гардерии.

Чуть поодаль собралась уже большая пёстрая толпа – жители Кадма, провожавшие в бой своих соплеменников.

Носилки царя остановились подле жрецов, царь спустился на землю и небрежным жестом дал служителям богов разрешение начинать.

Жрецы пели по очереди: первый из них призывал Пробудившегося на помощь объединённой армии, второй просил Текущего – бога морей, рек и вообще всех вод – смирить на сегодня свою ярость, а третий возносил молитвы Матери, богине жизни, земли и плодородия, чтобы проявила милосердие к детям своим.

После того как богослужение завершилось, царь кивнул своему среднему сыну – воеводе Турупу – и тот приказал воинам Кадма грузиться на суда. Туруп, в отличие от своих воинов, был закован в тяжёлый бронзовый доспех: панцирь в виде обнажённого торса могучего мужа, полностью закрывающий лицо шлем с роскошным гребнем из выкрашенного в красный цвет конского волоса, а также широкие поножи с мордами львов на коленях и украшенные драгоценными камнями наручи.

Отряд кадмийцев разделился на две неравные группы: около сотни поднялось на один корабль, еще пятьдесят – на другой.

– Значит, поплывем на «Крокодиле», – сказал Козлик.

– На чём? – не понял Пескарь.

– Посмотри, видишь, на носках кораблей, над таранами, укреплены фигуры? На одном корабле это как будто большая ящерица – она называется крокодилом. Так называется и корабль. А на другом – как будто большая рыба. Это косатка.

Действительно, большая часть кадмийцев поднялась на «Косатку», и воины Города-в-Долине вскоре получили приказ лезть на борт «Крокодила».

Первым взбирался Рубач, что для него было отнюдь не просто. Надев щит на левое плечо, он протянул своё копье кадмийцу, уже сидевшему на корабле, а потом попробовал подняться, цепляясь за выступы борта здоровой рукой. Дело осложнялось ещё и тем, что по коленям воеводу была подвешенная к поясу секира, путаясь в ногах.

В конце концов Рубача таки подняли наверх, подталкивая снизу и затягивая сверху через борт. Остальным воинам, без физических изъязнов, подняться было легче.

Как раз когда подошла очередь Пескаря лезть на борт, сверху неожиданно сбросили веревочную лестницу. Ловко взбираясь по ней, Пескарь улыбнулся, услышав ругань Рубача: почему мол такие и сякие косорукие дураки не спустили её с самого начала?

Оказавшись на палубе из гладких досок, Пескарь сразу почувствовал, что она покачивается из стороны в сторону.

Поднявшиеся ранее кадмийцы уже сидели на скамьях, держа в руках вёсла. Пескарь обратил внимание, что только верхний ряд вёсел поднимался на палубу, остальные два ряда уходили в трюм корабля. Значит, там тоже должны были быть гребцы. Не утерпев, он спустился вниз по узенькой лесенке. Здесь действительно сидели гребцы, но они совсем не походили на воинов – слишком грязные и измождённые.

«Опять рабы, – догадался Пескарь. – Неужели они и в бой пойдут за своих хозяев? Не может быть, они ведь сами пленники».

Юноша поспешил покинуть пахнущий нечистотами и немывтыми телами трюм и вновь оказался на ветерке палубы.

Гребцы уже пришли в движение, подчиняясь ритмичным выкрикам кормчего. Пескарь заворожённо смотрел, как уплывает назад пирс, а вместе с ним и весь берег, хотя он едва чувствовал движение – похоже было, будто это земля убегает от него; что-то подобное он до сих пор испытывал только во сне, когда летал или падал с большой высоты.

Тем временем старейшина Копьё, расположившись у центральной мачты, раздавал воинам вяленое мясо и финики. Брали с запасом, на несколько дней – на случай если поход затянется.

Вскоре корабли вышли из гавани Кадма, моряки подняли большой центральный парус, и гребцы с облегчением вытащили из воды вёсла.

Пескарь с трепетом отмечал всё усиливающуюся качку.

После того как воины поели, Копьё собрал их вокруг себя. С помощью кстати подвернувшейся верёвки он изобразил на палубе форму острова Раадос.

– Мы подойдем к острову к вечеру, – рассказывал старейшина. – Вот здесь, с восточной стороны широкой части острова, находится город раадосцев Дос. Мы подойдем вот к этой, южной узкой оконечности Раадоса. Только там есть пляж, подходящий для высадки и одновременно достаточно удаленный от города, чтобы постоянно не охраняться. Мы и человек пятьдесят кадмийцев высадимся здесь, поднимемся в горы Раадоса, укрепимся и будем ждать до утра. Корабли кадмийцев в это время блокируют порт Доса. Утром мы подойдем к стенам Доса и пойдём на штурм. Если, конечно, их воины не решатся выйти нам навстречу, чтобы принять бой на открытом месте.

– Хайи! – не стовариваясь воскликнули воины, готовые хоть сейчас встретить врага в чистом поле.

– Стены Доса невысокие, в основном это просто деревянный частокол. Ворота, как говорят, хлипенькие – скорее калитки, чтобы козы, свиньи и рабы не разбежались. Надо будет вырубить подходящий таран, и мы легко ворвемся в город. В этот момент кадмийцы должны начать трубить в рога – это будет сигнал для кораблей высадить воинов в порту. Ударив с двух сторон, мы должны легко их одолеть. Убивать всех, кто окажет сопротивление. Но тех, кто сдастся, царь Василий просил не трогать. То ли рассчитывает разжиться рабами в этом походе, то ли ещё что. В общем, всех пленных сдавать их воеводе Турупу, нам они ни к чему. А прочие ценности распределяются по законам войны – кто первый взял, тот и владеет. Так что всё, что возьмут себе воины Грома – то наше; скидываем в общий котёл, а потом делим по обычаю.

– Хайи! – снова радостно поддержали воины.

– Ну, а хватит ли двух кораблей? Ну, чтобы заблокировать порт? – спросил один из опытных воинов по имени Древки.

Копьё пожал плечами.

– Туруп и Василий говорят, что хватит. Их новые трёхгребные галеры построены по самым лучшим образцам боевых кораблей Оксоса. А оксосцы – лучшие мореплаватели во всем мире. Царь уверял нас, что у раадосцев есть только штук пять одногребных галер – старинные пятидесятивёсельники, на таких ещё во времена Геллака плавали. Они меньше размером и раза в полтора медленнее, чем трёхгребные. Да ещё несколько круглых торговых кораблей, у которых только паруса и нет ни таранов, ни вёсел.

– А сколько всего воинов в Досе? – подал голос другой воин, Самшит.

– Это толком непонятно, – ответил Копьё. – Царь Василий говорит, что город довольно большой, много больше нашего Города-в-Долине. Но воинов у них не так много, всего человек сто пятьдесят-двести вместе с мальцами.

– Как же это может быть?! – возмутился Самшит. – В Городе-в-Долине никогда не было меньше двухсот копий, а с пацанами и стариками все четыреста будет!

– Кадмийцы меряют всех по себе, – вступил в разговор Рубач. – У них оружие способен держать дай боги каждый третий мужчина. Но, сколько я помню, раадосцы больше похожи на нас, чем на них. Так что, глядишь, окажется, что где сто пятьдесят – там и триста.

– Правда, в Досе много рабов, – отметил старейшина Силач. – Причем большая часть – кадмийцы.

– Не так важно, сколько воинов у врага, как то, насколько они хороши, – негромко сказал Рубач. – А всего важнее – кто ими командует. Царь Раадоса Поликарп – достойный противник. Но куда опаснее его сын Фемистокл. Этот воевода одержал много побед и на суше, и на море, он хитёр и доблестен. Раадосцы его любят и готовы драться ради него до последней капли крови.

– Они будут защищать родную землю, свой дом, – добавил Копьё. – Такого врага нельзя недооценивать.

– Сколько бы ни было врагов, и кто бы ими ни командовал – им не выстоять против воинов Грома! – не удержался и встрял в разговор взрослых Пескарь.

– Хайи! – воскликнули воины, и кто-то одобрительно постучал юношу по плечу. На этом военный совет и завершился.

Корабль споро летел по волнам. Вскоре Кадм обратился лишь слабо различимой тенью вдали. Пескарь наконец немного привык к качке, и уже не так боялся, поскользнувшись, выпорхнуть за борт.

Он нашел себе место ближе к носу корабля и любовался тем, как вылетают из моря и снова падают в воду летучие рыбы.

– Надо же, рыбы с крыльями! – восхитился Пескарь. – Полурыбы-полуптицы! Ну и кто теперь будет сомневаться, что кентавры и гарпии бывают?

Тучи окончательно рассеялись, и Пробудившийся в полную силу царил в небесах. Несколько раз корабли проплывали мимо рыбацких лодок, с которых воинам приветственно махали кадмийские рыбаки.

Море снова было другим, одновременно близким и далёким. Яркие блики вспыхивали по всей его поверхности, ярче любого золота или серебра, и Пескарь не мог оторвать взгляда от этого мерцания, усыпавшего всепоглощающую глубокую синеву. Юноша начал потихоньку привыкать к освежающему влажному запаху. И даже попробовал представить себя Геллаком, великим героем древности, плывущим на свою первую битву с морским чудовищем Кракеном, топившим корабли. Совсем как раадосские пираты.

Вдруг на корме раздался радостный крик:

– Наяды! Смотрите, смотрите, русалки плывут!

– Добрый знак, – сказал незнакомый кадмиец, сидевший поблизости от Пескаря на гребной банке.

Вскоре Пескарь увидел их. Русалки формой походили на рыб, разве что их тела были намного толще. Головы, похожие на голову собаки, оканчивались длинными носами, в которых помещались улыбающиеся рты со множеством маленьких, но на вид очень острых зубов.

Пескарь сразу отметил, что хвосты наяд были вытянуты не сверху вниз, как у рыб, а слева направо. Это позволяло им, разогнавшись под водой, выпрыгивать высоко в воздух и чуть ли не висеть в нем – так, чтобы мореплаватели могли хорошенько их разглядеть.

Скорее всего, русалки легко могли бы обогнать людские корабли – но просто не хотели этого делать. Он плыли параллельным курсом, то и дело весело выпрыгивая из воды и радостно вереща: «Тирри! Тирри!»

– Что они говорят? – спросил Пескарь у соседа-кадмийца.

– Я не знаю, – улыбнулся тот. – Говорят, в Оксосе и Патамосе есть толмачи, умеющие разговаривать по-рыбьи. Но в наших местах я таких не встречал.

– Тирри! Тирри! – изо всех сил закричал в ответ русалкам Пескарь, пытаясь подражать их интонациям и произношению. Одна из наяд подплыла к самому борту и, удерживая ту же

скорость, что и корабль, с любопытством поглядела на Пескаря. Глаза у неё были совсем человеческие.

– Тирри-лирри! – сказала русалка, и Пескарю почудилась в этой фразе вопросительная интонация.

– Как бы я хотел поговорить с вами! – восхищённо прошептал юноша. – Тирри-пескаррь! – крикнул он в ответ.

– Тирри-перри, – ответила наяда, широко улыбнулась зубастым ртом, что-то прощелкала в довесок и уплыла далеко вперед.

– Как думаешь, они нас понимают? – спросил Пескаррь кадмийца. Тот пожал плечами:

– Почему бы и нет? Просто им, наверное, не о чем с нами говорить. У нас ведь так мало общего. Время от времени подплывут поздороваться и снова пропадают в море.

Действительно, вскоре наяды отстали от корабля, вернувшись к своим таинственным подводным делам. А Пескаррь немного загрустил, забыв даже о грядущей битве.

11

Око Пробудившегося было еще довольно высоко, когда Раадос из бесформенного пятна на горизонте превратился в горную гряду. Корабли шли быстро, и остров рос на глазах.

Рулевой то и дело подавал команды, направляя нос судна к южному пляжу. Когда до берега оставалось всего несколько стадиев, матросы убрали парус и снова сели на весла. «Косатка» и «Крокодил» шли рядом, борт к борту. Пустынный песчаный пляж, окаймлённый скалами, стремительно приближался.

Заприметив гигантских деревянных чудовищ, длинношеие морские птицы на камнях принялись обеспокоенно галдеть, а потом разом снялись с места и нестройной гурьбой полетели над самой водой куда-то за западный мыс.

– Схватись! – прокричал рулевой, и матросы несколько раз повторили приказ. Пескаррь изо всех сил вцепился в борт, и вовремя – тут же последовал резкий удар, от которого он непременно вылетел бы наружу, если бы не подстраховался.

Галера проскрежетала по песку и остановилась, на четверть выскочив на сушу.

– На берег! – скомандовал Рубач. – И на этот раз скиньте мне лестницу, дармоеды!

Пескаррь, толкаясь среди соратников, подобрал в куче снаряжения свое оружие и заплечный мешок, закинул щит за плечо и, стараясь не запутаться, осторожно полез вниз.

Ощущать босыми ногами прочную, не шатающуюся из стороны в сторону землю, даже если это был расплзающийся мелкий песок, было необычайно приятно. «Всё-таки люди не рыбы», – пришла в голову Пескарю очевидная мысль.

– В линию! – скомандовал Рубач, и воины Города-в-Долине выстроились в боевом порядке на песке, чтобы в случае необходимости предотвратить неожиданную атаку – выставив перед собой щиты, но пока что держа копыя уткнутыми противовесом в землю.

В это время с «Косатки» спустились несколько десятков кадмийцев. Командовал ими воевода в богатом чешуйчатом доспехе, имени которого Пескаррь не знал.

Сначала кадмийцы сбились в кучу, не зная, что делать, потом воевода приказал им сталкивать корабли обратно в воду. Матросы одновременно изо всех сил налегли на весла, и вскоре галеры вновь оказались на открытой воде. Они медленно повернулись и пошли к северу – туда, где должна была располагаться гавань Доса.

Рубач подошел к воеводе кадмийцев, они перекинулись парой слов, тот кивнул и дал приказ своим воинам. Пятеро легких копейщиков побежали к деревьям, которые обрамляли пляж и под которыми уже сгустились ночные сумерки.

Разведчики скрылись под сенью деревьев. А через несколько мгновений раздались резкие крики:

– Хэй! Вот он! Лови, лови!

Воины пришли в возбуждение.

– Вон там, смотрите! – выкрикнул Зоркий, стоявший как раз рядом с Пескарем, в который раз оправдывая своё имя. Пескарь посмотрел, куда он показывал, и заметил среди редких стволов мелькающие пятки беглеца.

«Разведчик раадосцев! – промелькнула в голове Пескаря мысль. – Или просто какой-то невезучий пастух».

Полоса деревьев, под защитой которых бежал незнакомец, в северной части пляжа прерывалась прогалиной, поднимавшейся вверх, в сторону гор. Пескарь подумал, что это может быть самая удобная дорога, ведущая с пляжа. Конечно, могли быть и другие проходы в глубине леса, но почему бы не рискнуть?..

Пескарь выскользнул из строя, уронил на песок щит и копьё, одним движением выхватил пращу и намотал один её конец на руку хитрым узлом. Доставать ядра из мешочка было некогда, и он выхватил один из камней из кармашка в поясе. Отойдя на несколько шагов в сторону от фаланги, Пескарь положил камень в расширение кожаной петли и раскрутил пращу над головой. Теперь оставалось только дожидаться...

Пескарь понимал, что у него будет лишь одна попытка; его одновременно охватили охотничий азарт и волнение из-за опасности возможной неудачи.

Беглец на огромной скорости вылетел из леса на прогалину. Разведчики-кадмийцы, судя по всему, отставали от него на целый стадий: он был безоружен и бежал налегке, к тому же страх придавал ему сил.

Сворачивая на тропинку, ведущую к горам, раадосец на мгновение потерял равновесие и чуть не упал. Эта случайность и стала для него роковой.

Пескарь не помнил, чтобы он отдавал команду своим рукам. Глаз просто увидел слабое место в поведении врага, а рука сама разогнала пращу и, отпустив свободный конец ременной петли, отправила камень в полет. Беглец так и не успел вновь набрать скорость. Как только он поднялся на ноги, камень с огромной скоростью врезался ему в голову, и раадосец рухнул на землю как подкошенный.

– Хайи! – вскричали воины Города-в-Долине, и их поддержали радостные крики кадмийцев.

– Пескарь-Камнемёт! – воскликнул кто-то из стоявших в строю.

– Камнемёт! – поддержали его другие голоса. – Праща! Меткий! Точный! Настигающий!

– Выбирай на вкус, воин, – сказал подошедший к юноше Рубач. – Мне нравится Камнемёт.

«Неужели уже свершилось? – не мог поверить себе Пескарь. – Теперь я мужчина?»

– Он же был безоружен, – неуверенно возразил юноша.

– Он был враг, – утвердил Рубач. – Но это твое дело. Ты можешь принять имя, когда захочешь. Пока ты трижды не прокричишь одно из тех имен, что предложили тебе твои братья – ты все ещё Пескарь.

Заметив, что Пескарь не соглашается ни на один из вариантов, воины перестали их предлагать.

– Пескарь-Тугодум! – рассмеялся кто-то.

– Пескарь-Длиннодум, – последним, с улыбкой сказал Козлик.

Через короткое время разведчики настигли поверженного раадосца, подхватили его под руки и ноги и потащили на пляж.

Когда его поднесли к войску, он уже начал приходить в себя, но все еще не мог встать на ноги. Он был молод, но уже не ребёнок – на лице его росла неухоженная чёрная борода; одет в рваные лохмотья. Голова и правое плечо его были залиты кровью.

– Ты здесь один? – спросил воевода кадмийцев, несильно пнув пленника в грудь. – Кто ещё с тобой?

Раадосец сплюнул красным на песок и улыбнулся окровавленным ртом, стоя на коленях.

– Пошёл ты под хвост осла, откуда выполз! – бесстрашно сказал он.

Воевода поморщился и кивнул головой. Несколько кадмийцев набросились на пленника и стали избивать его древками копий. Когда, по движению руки воеводы, они отошли в сторону, раадосец лежал на песке без движения. Он не стал закрываться от ударов, и один из них раскроил ему висок. Какой-то кадмийский воин наклонился к застывшему телу и вскоре заключил:

– Дохлый.

«По крайней мере, он был смелым, – подумал Пескарь. – Хоть и безоружный, но воин». Но вместо гордости почему-то ощутил сожаление. Может, в других обстоятельствах этот храбрец мог бы стать ему другом?

– К Аду эту падаль, – с омерзением сказал кадмийский воевода. – Идём дальше.

– Его можно было пытаться и допросить, Сафир, – с сожалением сказал Рубач. – Это не пастух и не рыбак, а наблюдатель – при нем не было ни удочки, ни скота, ни корзинки для орехов.

– Можно было бы, но зачем терять время? – возразил воевода. – Мы и так всё знаем.

Рубач не стал спорить.

Воины направились прочь с пляжа, стараясь сохранять порядок во время движения. По лесам вокруг рассыпались разведчики кадмийцев, время от времени коротко перекликаясь птичьими голосами. Воины Грома шли впереди основной колонны, остальные кадмийцы скопом топтали за ними.

Выбравшись на тропинку, поднимающуюся в гору, Пескарь один раз оглянулся. Распластанное тело раадосца валялось на песке, расплываясь в наступающих сумерках.

12

Отряд шёл по лесной тропинке, которая забиралась все выше в гору. Вокруг не было ни души. Один раз на пути попала бедная хижина, но внутри никого не было. Правда, было немного свежей еды – значит, хижина была не заброшенная. Должно быть, хозяин загодя узнал об их приближении и сбежал. Теперь можно было рассчитывать, что жители Доса наверняка знают о десанте на южном пляже.

Вскоре совсем стемнело, но Сафир не останавливал продвижение отряда – видимо, он вёл воинов в конкретное подходящее для ночлега место, известное кадмийцам.

Воины зажгли несколько факелов.

Наконец, отряд добрался до цели своего пути. Это был отрог холма со скальным обрывом в море, обрамлённый дюжиной деревьев. Среди них, словно царь-исполин, особенно выделялся толстенный грецкий орех. К отрогу вёл только один ровный и узкий подход от тропинки, который легко было бы оборонять.

Воевода кадмийцев выставил посты; воины развели костры и плотно поужинали. На следующий день, перед боем, завтрак должен быть совсем легким, чтобы не отяжелеть.

– Отсюда до Доса совсем близко, – сказал своим людям Рубач. – Не больше трёх тысяч шагов. Выступим с рассветом – чем меньше у них будет времени на подготовку, тем лучше.

Ночь прошла беспокойно. Несколько раз раздавались крики, в лагере поднимался шум. Рубач был наготове, но не приказывал фалангитам строиться.

– Лучники, бьют из леса, – сказал он. – Оставайтесь под деревьями. Пусть кадмийцы гоняются за ними ночью по горам, если хотят.

Пескарь едва мог сомкнуть глаза от волнения. Чтобы успокоиться, он решил поискать знакомые созвездия, благо ночь была безоблачной. Он легко нашёл Геллака, великого героя древности, с его огромной дубиной, которой он замахивается на медведицу, водоносицу с её ковшом, и двух братьев – Каспа и Полла.

«Вот Геллак вряд ли так тревожился перед битвой, – подумал Пескарь. – Хорошо всё-таки быть героем: ты тогда точно знаешь, что у тебя всё получится, и боги на твоей стороне...» Отвлечённый этой мыслью, он наконец задремал.

Когда рассвело, оказалось, что трое кадмийцев серьезно ранены и не могут продолжать поход, а одному стрела попала в шею, и он быстро истёк кровью.

Пескарь с интересом рассмотрел стрелу, которую нашел в траве – в Городе-в-Долине луки были не в ходу. Лёгкое, тщательно обструганное и потому абсолютно прямое древко, несколько перьев для стабилизации и зазубренный наконечник из железа. Было очень неприятно представлять себе, что будет, если такой вопьётся в тело.

Наконец, пришла пора выступать. Воины съели по небольшому куску вяленого мяса и оправились. Пескарь увидел, что одного из кадмийцев стошнило от страха. Глядя на него, он сам почувствовал робость. Но потом взглянул на оказавшегося поблизости старейшину Копьё – тот усмехался, глядя на труса, и Пескарь тут же воспрял духом. Все-таки кадмийцы – дрянные бойцы, ни в какое сравнение не идут с воинами Грома!

Раненых оставили под охраной пары лёгких пехотинцев.

– Двое из трёх не выживут, – спокойно сказал Рубач, бросив на стонущих от боли людей равнодушный взгляд.

Выйдя из лагеря, отряд шёл плотным строем, держа щиты наготове: воины Рубача впереди, воины Сафира сразу за ними. Вокруг по лесам так же, как и накануне, рыскали лёгкие разведчики кадмийцев. Ни следа ночных лучников они не обнаружили.

Вскоре тропинка перевалила через невысокий горный перевал и начала спускаться вниз, в долину Доса. Строения города уже были видны кое-где между деревьями.

Тропинка сделала пару поворотов и вывела на пологое место, потерявшись в высокой траве. Вдруг Пескарь услышал тихий неприятный свист, а за ним – крик откуда-то сзади.

– Щиты над головой, – скомандовал Рубач, и над воинами Грома словно вырос непробиваемый панцирь: большие щиты плотных стоявших воинов накладывались друг на друга, так что между ними не оставалось никакого зазора. При этом фалангиты умудрились нисколько не замедлить ход.

– Битва началась, братья! – воскликнул воевода. – Будем же достойны Геллака Сокрушителя, Адма Пронзающего и всех великих героев древности!

«Хайи!» – коротко и грозно ответили воины, не сбивая дыхания.

Время от времени раздавались лёгкие постукивания: одни стрелы впивались в щиты, пробивая медную обшивку, другие соскальзывали на землю.

Щиты кадмийцев не давали такой защиты, и время от времени кто-то из них с криком падал на землю.

Воины переступали через своих павших товарищей. Вернее, старались переступить – и кого-то, возможно, затоптали насмерть.

Вскоре отряд вышел на открытое пространство. Город простирался в паре стадиев впереди и немного ниже. С горного отрога, на котором остановился отряд, были прекрасно видны крыши и улицы Доса, его гавань и пришвартованные в ней торговые корабли, и апельсиновая роща – наверняка святилище Хранящей, богини луны. Четыре небольшие боевые галеры раадосцев выходили в море, разворачиваясь для атаки. Могучие «Крокодил» и «Косатка» поджидали их стадиях в пяти, развернувшись носами к гавани.

Пескарь обратил внимание на то, что смертоносный дождь из стрел прекратился. В лесу, из которого они только что вышли, громко кричал от боли кто-то из раненых.

– Больше не стреляют, – сказал Пескарь.

– Наверное, стрелы берегут, – ответил ему Самшит. – В лесу-то они вслепую стреляли – просто чтобы на страх давить; а тут будут целиться: откроешься – и каюк! Вон на той высоте они, должно быть, стоят.

– Щиты не опускать! – громко приказал Рубач. – Древко, Злодей, со мной, прикрывайте меня щитами, пока я вон ту сосну рубить буду.

Рубач, на ходу выхватывая секиру, пошел мастерить таран. Сафир тем временем приказал своим воинам рассредоточиться, отправив десяток из них на скрытый за деревьями горный уступ, где, как предполагалось, укрылись лучники раадосцев.

– Кого не убьёте – прогоните, – добавил он. – И закрепитесь там, чтобы мы спокойней себя чувствовали – это лучшее место для обстрела. Вперёд!

Кадмийские копейщики побежали к деревьям, когда один из них вдруг завыл и покатился по земле – стрела попала ему в ступню и пробила ее насквозь. Еще несколько воткнулись в легкие щиты. Наконец, воины, отправленные на холм, скрылись за деревьями, и следить за ними стало невозможно.

Пескарь, не опуская щита, посмотрел на город, стараясь обнаружить слабое место в частоколе. Это было несложно. Стена города действительно больше походила на забор от коз, чем на защитное сооружение – свалить ее можно было в любом месте парой хороших ударов – никакого сравнения с той, что окружала Кадм. С другой стороны, вокруг Города-в-Долине вообще не было стен.

«Какие-то они непуганные, эти пираты, – подумал Пескарь (хотя думать было непросто – очень мешали всё не унимающийся плач раненого из леса и крики кадмийца с пронзённой ступнёй). – Сидят на своём острове и думают, что ничего им не грозит. Хотя, может... может, всё не так просто, как кажется?»

Похоже, эта же мысль пришла в голову не только ему.

– Козлик! – позвал старейшина Копьё. – Беги к Сафиру и скажи ему, чтобы послал пару воинов проверить подходы к частоколу. Там ловушки могут быть.

Козлик немедленно побежал исполнять приказание, и воины тут же сомкнулись плотнее, чтобы закрыть брешь, оставленную там, где был его щит.

В лесу было тихо – возможно, лучники раадосцев просто сбежали от кадмийцев. Значит, те должны были закрепиться на холме.

Пескарь бросил взгляд на море и увидел, что там битва в самом разгаре.

Корабли кадмийцев, подгоняемые мощными толчками вёсел, на огромной скорости неслись на две раадосские галеры, при этом другие две, как казалось, убежали в южном направлении прочь из гавани. Еще несколько ударов сердца – и раздался жуткий треск, когда «Крокодил» врезался в нос одной из маленьких галер. Таран большого корабля был намного длиннее, чем у его жертвы, поэтому сам «Крокодил» никаких повреждений не получил.

Результат столкновения стал понятен, только когда гребцы «Крокодила», по команде кормчего, несколькими могучими усилиями отбросили тяжёлый корабль назад. Повреждённая галера стала резко оседать на нос. Матросы обречённого корабля прыгали в воду. Пара кадмийцев пытались добивать их с носовой надстройки «Крокодила» длинными узкими копьями.

«Косатке» не удалось протаранить свою мишень – маленький корабль в последний момент повернул вправо, и смертоносная бронза лишь проскребла по его обшивке. Однако моряки-кадмийцы не теряли времени – они запустили крючья на длинных верёвках, уцепились за корабль раадосцев и притянули его к своему борту. Мгновенно собравшиеся напротив галеры кадмийцы разом обрушили на матросов вражеского корабля целый ливень дротиков, потом ещё один, и ещё. Так как палубы на пятидесятивёсельной галере не было, раадосцы оказались у копьёметателей как на ладони: локтей на шесть-семь ниже, и спрятаться негде. После третьего залпа абордажники стали прыгивать на палубу галеры и добивать немногих оставшихся.

Казалось, разгром был полным. Воины на берегу охрипли от радостных криков, которые заглушали любые звуки морской битвы.

Но тут оказалось, что празднование было преждевременным. Две галеры раадосцев, которые, как подумал Пескарь, спасались бегством, быстро развернулись и полным ходом шли к беззащитному борту «Косатки».

Кадмийцы на большом боевом корабле замерли, понимая, что ничего уже не успеют предпринять: отцепиться от взятого на абордаж пятидесятивёсельника и набрать скорость, а тем более развернуться – времени ни за что не хватит. Пескарю показалось, что он разглядел на палубе «Косатки» царского сына Турупа, который жестами приказывал матросам перебираться на захваченную раадосскую галеру. Флотоводец выделялся среди прочих моряков своим начищенным бронзовым панцирем, который сверкал на солнце.

Один за другим раздались два резких удара, когда маленькие корабли на полном ходу протаранили «Косатку» – один примерно посередине, другой ближе к корме. Корабль вздрогнул, и все, кто был на палубе, попадали, а кто-то и вылетел за борт.

Пескарь не отрываясь смотрел на крошечную фигурку Турупа. Тот схватился за борт, который атаковали раадосцы, и удержался на ногах.

Гребцы на маленьких галерах направили свои корабли задним ходом, и тогда случилось самое страшное – длинный узкий корабль с оглушительным треском переломился пополам в том месте, где пробоина пришлась на его середину, и стал быстро тонуть.

Встряска, разломившая корабль, вырвала борт из рук Турупа, тот упал в воду и мгновенно скрылся в волнах, утянутый в пучину тяжёлым бронзовым доспехом.

– Айяа-а! – протяжно застонали кадмийцы на берегу. – Горе нам!

– Соберитесь, псы! – заорал Сафир. – Позже будете выть! Сначала надо отомстить за царского сына!

Тем временем «Крокодил» обошел тонущую «Косатку» со стороны носа и погнался за ближайшей из двух оставшихся галер раадосцев. Тех кадмийцев с «Косатки», кому удалось выплыть, поднимали на борт захваченной галеры их товарищи. Абордажники успели перерубить веревки кошек, чтобы тонущий корабль не утянул галеру за собой на дно.

Треск падающей сосны отвлек воинов на берегу от непоправимой трагедии. Рубач принялся обтесывать ветви дерева, чтобы его можно было использовать в качестве тарана.

Кадмийские разведчики, отправленные Сафиром к стене города, действительно обнаружили несколько замаскированных ветками ям-ловушек. Защитники Доса обстреливали их с крыш домов стрелами и дротиками, поэтому они лишь примерно наметили границы ям и отступили на безопасное расстояние, не понеся потерь.

Вернулся и один из копейщиков, посланных на холм на охоту за лучниками. Последних действительно удалось разогнать, одного даже поймали и убили. А самое главное – кадмийцы захватили на холме большой запас стрел. Вряд ли бежавшие лучники сумели забрать с собой много снарядов.

Воины Города-в-Долине наконец опустили щиты, не опасаясь больше неожиданных подлых атак.

– Пробьём брешь в стене, и город наш, – уверенно заявил Копьё. – Готовьтесь пировать на трупах врагов, воины!

– Хайи! – поддержал его боевой клич.

Но оказалось, что раадосцы ещё не собирались сдаваться.

В северной оконечности города открылись ворота, и из них стали выбегать тяжеловооружённые воины. Не меньше пятидесяти тяжёлых копьеносцев с большими круглыми щитами, в шлемах и доспехах, и примерно столько же легких воинов с луками и дротиками.

От них до экспедиционного отряда было около четырёх стадиев.

Тяжёлые воины построились в фалангу и стали медленно приближаться к противнику на расстоянии полустадия от стены – видимо, чтобы не загромоздить в собственные волчьи ямы.

– К бою, сыны Грома! – изо всех сил своих лёгких закричал Рубач, бросивший изготовление тарана и вернувшийся к своим бойцам. – Наконец-то добрая битва! Покажем этим прощельгам силу Города-в-Долине!

Клич «Хайи!» был ему ответом, когда фалангиты стали строиться в боевой порядок.

Ненадолго их отвлек раздавшийся со стороны моря треск – это «Крокодил» нагнал одну из оставшихся галер раадосцев. Последний корабль осаждённого города скрылся за ближайшим мысом, теперь, видимо, ударившись не в мнимое, а в истинное бегство.

– Они могут высадиться на берег и ударить нам в тыл, но скоро не подспеют, – громко сказал Рубач. – К тому времени, если что, мы успеем разобраться с этим сбродом!

Фаланга Города-в-Долине построилась фронтом длиной в пятнадцать и глубиной в три воина; оставшиеся пятеро бойцов укрепили ее по флангам, до четырёх человек. Глубина раадосской фаланги, сколько видел Пескарь, была тоже в три воина, но фронт их вышел большей ширины, чем у осаждавших. Тогда воинам Грома пришлось растянуть свой фронт, и с левого фланга глубина оказалась всего в два воина – слишком мало, а значит, опасно.

Воины Грома запели боевой пеан: «Хайи! Кровавые копыя! Хайи! Отведдают плоти! Хайи! Щиты из дуба! Хайи! Раздавят кости!» – и пошли на сближение с врагом. Пескарь встал в первом ряду, ближе к правому краю, как и обещал ему Рубач – между самим воеводой и старейшиной Копьё.

Кадмейцы и легкие воины раадосцев скоро вступили в перестрелку, кидая друг в друга дротики и пуская стрелы.

Фалангиты между тем сближались друг с другом в плотном, но пока ещё не боевом строю, и ритм пеана помогал им идти в ногу. Пескарь видел роскошные гребни на шлемах раадосцев, их раскрашенные жуткими рисунками щиты.

– Я вижу воеводу, вон он, в шлеме с разноцветным гребнем и в самом дорогом доспехе, – сказал Рубач; Пескарь не понял, о ком он говорит: ему все раадосцы казались одинаковыми. – Но это не Фемистокл – тот на голову выше самого высокого из воинов, и в два раза шире в плечах самого могучего.

– Это, наверное, царь Раадоса Поликарп, – догадался Копьё.

«Эх, сейчас бы я метнул в них пару ядер», – подумал Пескарь, легко обнаруживший незащищенные места в фаланге. Свинцовый снаряд, выпущенный из пращи, вполне может разломать щит, а ударив в шлем, при доле удачи, может оглушить и надолго вывести воина из строя, или даже убить. Но нечего было и думать о том, чтобы сейчас покинуть строй.

В щит Пескаря уже воткнулась пара стрел. Что-то проскользнуло снизу, легко задев по поножу. И вдруг прямо мимо шлема со свистом пронеслось копьё. Пескарь присел и на миг сбился с ритма.

– Держись, сын царя! – подстегнул его Рубач, и юноша снова приноровился к шагу фаланги, лишь крепче сжав кожаную рукоятку щита и копьё.

Пескарь не мог определить, с каким успехом продолжается бой застрельщиков. Все, что он способен был заметить – что ни один из воинов в фаланге рядом с ним не упал. Был ли кто-нибудь из них ранен?.. А впереди всё ближе и ближе придвигался к нему строй раадосских тяжёлых копыеносцев.

Вот они уже в двадцати шагах. В десяти...

– Сомкнись! – выкрикнул Рубач, и воины Грома прижались друг к другу так, что круглые щиты, накладываясь один на другой, образовали бесконечную стену, при этом щит каждого из них прикрывал и самого бойца, и его соседа слева. Фаланга оцетинилась ежом копий: воины первого ряда держали их ниже щитов, на уровне бедра, воины второго – прямо над щитами, на уровне шеи, а воины третьего ряда – кинжальным хватом над головой, чтобы бить врагов поверх щитов.

Теперь все они двигались вперед в идеальном ритме – шаг левой ногой с громким уханьем, потом приставить к ней правую.

Наконец, до фаланги раадосцов осталось всего несколько локтей – достаточно, чтобы дотянуться копьём. И тогда ожил вопль.

– Э-ле-ле-ле-ле-леф! Э-ле-ле-ле-ле-леф! – словно одна глотка великана, закричали все воины Грома разом на высокой ноте. Ярость в этом крике была такая, что Пескарь, сам издававший боевой клич, почувствовал, как дрогнули души в телах воинов Раадоса. Ведь это был не просто крик, а знаменитый на весь мир элелеф непобедимых воинов Грома, вселяющий ужас в сердца врагов!

И тогда заработали копья. Глядеть, куда бьёшь, было почти невозможно – задача была не столько поразить врага, сколько сбить его с толку, испугать, заставить опустить щит, поэтому бить нужно было не только сильно, но и быстро, раз за разом – и изо всех сил держать собственный щит, чтобы самому не открыться.

Пескарь колот под щитом, абсолютно не глядя куда; где-то слева раздалось несколько восклицаний и криков боли – там кто-то был убит или ранен. Вдруг упал вниз и словно исчез противник, стоявший справа от Пескаря, напротив Рубача; кто и как его поразил, Пескарь не заметил. Стоявший за ним воин сразу занял место павшего.

– Толчок! – тут же изо всех сил заорал Рубач.

– Хайи! – отозвались воины Грома, и Пескарь, подчиняясь зазубренной команде, всем своим весом бросился вперед.

Щиты столкнулись с жутким треском. Сразу кто-то закричал. Пескарь почувствовал, что удар чуть не опрокинул его на спину, но тут же изо всех сил навалился на щит левым боком, оперевшись в землю правой ногой, и продолжал с остервенением бить копьём, не видя куда, хоть замаха сделать почти не получалось.

В правый бок ему уперся щит стоявшего в заднем ряду Самшита, и он почувствовал, что задыхается. Вдруг что-то сильно стукнуло Пескаря по шлему, и тот, хоть и был старательно подогнан, все же немного съехал вбок, и теперь молодой воин мог видеть что-либо только правым глазом. В голове загудело.

Пескарь чувствовал страшную жару и духоту, и ещё что его ребра вот-вот сломаются под напорающей спереди и сзади неодолимой силой. Перед правым глазом у него мельтешило туда-сюда копьё Самшита, и Пескарь вдруг сообразил, что сам давно уже не пытается поразить врага. Он снова стал стараться ткнуть невидимого противника под щитом, но никак не мог хорошенько размахнуться для удара.

Чьё-то копьё оцарапало ему шею, потом он почувствовал резкую боль в бедре – оставалось надеяться, что рана не очень серьезная. И вдруг в охватившую его горячку ворвался яростный крик Рубача:

– Толчок!

– Хайи! – отозвались воины Грома, и Пескарь почувствовал, что тоже кричит. А потом, сам не зная как, невероятным усилием удесктерил напор. И тут случилось непонятное – сила, давившая на него спереди, исчезла, и Пескарь провалился вперед. Сначала он испугался, что потеряет равновесие, но тут же вернул щит на прежнюю высоту. Фаланга вновь двигалась: «Ух!» – шаг левой; приставить правую. Под ногами было что-то неровное и хрипящее, и юноша чуть не поскользнулся.

Тут только Пескарь понял, что произошло: потеряв нескольких воинов в столкновении щит в щит, раадосцы уступили давлению и отодвинулись.

Пескарь потрянул головой, и, слава богам, шлем встал на место. Теперь он снова мог видеть, что находится впереди. Фаланга раадосцев была в шаге от него – они ещё не бежали, но, похоже, уже начали пятиться.

«Ух!» – еще шаг.

– Толчок! – снова проорал Рубач, и теперь Пескарь уже не механически, а осознанно вложил в бросок всю свою ярость. Щиты снова ударились друг о друга, но в этот раз молодой воин сразу почувствовал, что воля врага сломлена и его удалось опрокинуть. Раадосец, которого толкнул Пескарь, исчез из виду – наверное, упал.

Юный воин Грома приподнял свой большой щит, чтобы освободить обзор ниже груди – и, раньше чем успел сообразить, что делает, ударил копьём в шлем противника, который, как оказалось, от толчка щитом упал на колени. Острие копья легко прошло в обзорную щель шлема, расширив ее и частично разорвав тонкую бронзу. Вверх по копьё брызнула кровь, и Пескарь понял, что там, где была голова его врага, теперь есть место только для острия его копья. Раадосец точно был мертв.

Пескарь дернул копьё назад, но оно застряло в обломках шлема. Тогда он наступил на шлем ногой и ещё раз дернул. Копьё освободилось, и Пескарь поспешил опустить щит на прежнее место.

И увидел, что фаланги раадосцев перед ними больше нет. Несколько воинов в тяжёлых доспехах бежали, бросив щиты.

Пескарь уже готов был радостно кинуться в погоню, когда новый приказ Рубача остудил его:

– Разворот влево!

Тут только Пескарь вспомнил предательскую особенность фаланги: правому краю часто удается сокрушить врага, при том что левый фланг терпит поражение. Это связано с тем, что в боевом построении все воины держат в правой руке копьё, а в левой щит, и справа теснить врага удобнее; а если ещё удастся его немного окружить, то сломить будет уже нетрудно. Но то же самое нередко удается сделать врагу на вашем левом фланге – и происходит это подчас одновременно.

Поэтому, прежде чем бросаться в погоню за бегущими, нужно убедиться, что вам удалось сокрушить всё боевое построение врага.

Пескарь вместе с другими воинами быстро двинулся вперёд и влево. Действительно, оказалось, что часть раадосцев еще держится. Но когда воины Грома зашли им во фланг и нескольких убили, остальные пустились спасать свои жизни, бросив щиты.

– Хайи! Победа! – закричал Пескарь, ткнув обгаренным кровью копьём в небо: пусть Пробудившийся будет свидетелем. – Кровавые копьё!

Победа действительно была абсолютной.

Все враги бежали, часть из них к лесу, чтобы затеряться в горах, часть пыталась укрыться за воротами Доса. Но легковооружённые кадмийцы без труда нагоняли их, били в спину или по ногам, чтобы остановить и взять в плен.

Два десятка тяжёлых копьеносцев одновременно сдались, побросав оружие, окруженные воинами Города-в-Долине.

– Вон их царь! – закричал кто-то. – Ловите царя!

На этот раз Пескарь легко опознал вожака раадосцев. В шлеме с огромным гребнем и тяжёлом, зеленоватого цвета бронзовом панцире он грузно бежал к воротам города. Но спастись надежды не было. Скоро два кадмийца догнали царя, окружили его и, угрожая булавами, заставили сдаться. Пленник бросил им под ноги свой меч.

После этого раадосцы окончательно прекратили сопротивление. Никто из них не нашел в себе силы задержать врагов, хотя бы попытавшись закрыть городские ворота. Победённые переставали бежать и просто садились на землю в ожидании решения своей судьбы. Кадмийцы принялись собирать их в кучу, подгоняя дубинками и древками копий.

Пескарь пошел следом за Рубачом, который несколькими окриками собрал воинов Города-в-Долине. Одной толпой, но уже без всякого боевого порядка, они направились в город.

Юноша вдруг почувствовал невероятную усталость. Он еле-еле переставлял ноги, а ставшие вдруг в десять раз тяжелее обычного щит и копьё оттягивали руки так, что приходилось волочить их по земле.

Войдя в ворота города, он понял, что больше не выдержит, и буквально рухнул в пыль. «Надо бы разузнать, кто остался жив, а кто умер», – промелькнула в голове мысль, но потом ушла, не сумев зацепиться в рассеянном сознании.

Пескарь из последних сил снял шлем, на мгновение закрыл глаза, но так и не смог их открыть.

Он очнулся, когда кто-то позвал его по имени.

– Пескарь, ты живой? – повторил Увалень.

Саднили раны на шее и на бедре, да на лбу слева вскочил огромный желвак – там, где кто-то ударил его в шлем.

– Вроде да, – ответил Пескарь. – А ты?

– Никогда не чувствовал себя лучше! – улыбнулся Увалень. – Ты много убил?

– Не помню, – искренне сказал Пескарь, пытаясь копаться в памяти. – Да, одного точно убил.

– А я никого, – чуть расстроено признался Увалень. – Под конец только одного сбил с ног, но он сразу сдался. Но я на левом фланге был, нас так давили!

– А как остальные? – нашёл в себе силы спросить Пескарь. Он убедился, что раны больше не кровоточат, и попытался встать. Не с первого раза, но с помощью товарища ему это удалось.

– Пальцеруба точно убили, – сказал Увалень. – Ему копьём в плечо попали, он уронил щит, и тогда его всего истыкали. А больше я не знаю.

– А Козлик как?

– Козлика уже в город пронесли. Я не понял, он вроде не ранен. Может, как ты, просто свалился от усталости? Ящерка тоже храбро бился.

«Хорошо, что с Козликом все в порядке», – подумал Пескарь.

– А где все наши?

– Наверное, на площади. Пойдем посмотрим.

Пескарь размял затёкшие мышцы, отчего боль в ранах резко усилилась, поморщился и поднял с земли щит и копьё. Потом понял, что забыл шлем, снова бросил оружие, прицепил шлем к поясу и второй раз поднял щит и копьё.

Он сделал несколько шагов и почувствовал, что силы возвращаются к нему.

Дос был, конечно, не так велик, как Кадм, но всё же больше и богаче Города-в-Долине. Попадалось немало двухэтажных домов, в окнах вторых этажей которых висели занавеси из дорогой ткани. Некоторые из них были безмолвны, из иных раздавались крики и женский плач.

Прямо на улице лежал труп женщины с разорванным животом. На выставленных под бесстрастный взгляд солнца внутренностях уже начали собираться мухи.

На рыночной площади, соседствовавшей с портом, возвышалось огромное недостроенное здание с большими белыми колоннами. Пескарь заметил его ещё раньше, когда смотрел на город с отрога горы перед боем, но тогда ему показалось, что это такая скала необычной формы. Он и представить себе не мог, чтобы один дом мог быть таким большим.

– Это дворец их царя? – спросил Пескарь.

– Я не знаю, – пожал плечами Увалень.

Воины Грома разбили лагерь в центре площади – чтобы проще было найти друг друга. Но здесь было всего человек двадцать: остальные вместе с кадмийцами грабили город или собирали пленников. Пескарь сбросил у бивака своё оружие и пожитки, оставив лишь меч на поясе. Силач, стоявший на страже, кивнул ему:

– Славный бой, сын царя!

– Славный бой, Силач.

Потом Пескарь повернулся к Уваленью и сказал, указывая на гигантское здание:

– Пойдем, посмотрим, что это.

Увалень, так и не отложивший копьё и щит, послушно пошел следом за своим вожаком.

Но тут Пескарь увидел Козлика, который лежал на земле неподалеку. Пескарь сразу понял, что тот очень плох. Козлик был бледен и время от времени сплёвывал кровь.

– Я справился, Пескарь, – прошептал Козлик. – Теперь я воин. Сейчас только отлежусь... – он тяжело закашлялся, изо рта брызнула кровь.

Древко, сидевший рядом на земле, подал ему флягу с водой.

– Ну, Козлик за Пальцерубом стоял, – стал рассказывать Древко, хоть его никто не спрашивал. – Ну, когда тычка копьями пошла, Пальцеруба убили, а Козлик занял его место. Ну, всё правильно. Ну, а глубина у нас была всего в два воина, так что раздумывать некогда было. Я-то слева стоял, ну, подпирая Силача. Ну, сами подумайте, Силач или этот... воин? Ну, они же в три ряда напирают. Ну, я Силача и бросил, подпер Козлика, чтобы его с ног не сбили... А тут Рубач: «Толчок!» – мы как толкнули! Ну, в общем, подавило его. Теперь вот кровью харкает.

– Ты расскажи... про щит, – хрипло перебил его Козлик.

– Ну, это да, – ухмыльнулся Древко. – Он радосцу, который Пальцеруба победил, с наскоку всадил копьё в щит. Ну, хорошенько так, пробил бронзу и прямо между досок, наверное, попал. Ну, и не стал снова бить, а давай расшатывать. Влево-вправо – и вперед, влево-вправо – и вперед. Ну, и быстро-быстро, он же маленький, но вёрткий. Ну, он так просунул копьё поглубже, у того щит чуть не развалился! Ну, и потянул его на себя. Как дёрнет – тот щит опустил! Ну, я тогда его сверху копьём и приласкал. Ну, потом-то Козлику тяжело пришлось – копьё-то уже не вытащить, а ихний из второго ряда уже вышел, а тут толчок – ударил его щит в щит, а сзади я подпираю... Ну, хорошо, что они скоро после этого побежали и подавались все. Хотя всё равно подавило его хорошенько...

– У меня все кости... затрещали, – прохрипел Козлик, улыбаясь окровавленным ртом.

– Ну, Козлик-Щитолом! – воскликнул Древко.

– Щитолом! – поддержал Пескарь. – Щитолом! – одновременно выкрикнули Силач, Увалень и остальные воины, что собрались рядом.

– Я Щитолом! – изо всех сил захрипел молодой воин и трижды повторил своё новое имя.

– Тебе что-нибудь нужно, Щитолом? Помочь как-нибудь? – спросил Пескарь.

Раненый лишь махнул рукой в ответ.

– Идите. Я отдохну... – прошептал он из последних сил и закрыл глаза.

13

Пескарь и Увалень поднимались по широким каменным ступеням, которые вели ко входу в огромное здание с колоннами. Пескарю показалось странным, что победители, которые грабили город и обшаривали дома в поисках пленников, еще не кишели тут в поисках самой богатой добычи.

Позади ограждавших портик колонн внутрь здания вели массивные бронзовые двери. Они были приоткрыты – если кто-то и был внутри, он, видимо, не собирался обороняться от захватчиков.

Оказавшись наверху лестницы, Пескарь огляделся. «Крокодил», вернувшийся из погони за галерами радосцев, входил в порт.

– Пойдем внутрь? – робко спросил Увалень.

– Да. Мы же победители, – ответил Пескарь, на всякий случай вытащив из ножен меч.

Восприняв это как приказ, Увалень первым вступил в бронзовые двери, прикрывшись щитом и выставив вперёд копьё. Пескарь проследовал за ним.

Внутри было темно – особенно после яркого солнца снаружи. Пришлось остановиться на некоторое время у входа, чтобы глаза привыкли.

Пескарь постепенно осматривал помещение. Здесь тоже было много колонн, подпиравших теряющуюся где-то в вышине крышу. С противоположной от входа стороны Пескарь разглядел гигантскую фигуру сидящего человека.

– Да ведь это храм! – воскликнул Пескарь. – Как же я сразу не догадался: вход точно к востоку... А это статуя Пробудившегося!

– Нет, это не Пробудившийся, – с сомнением сказал Увалень. – У него трезубец в руке.

– Вы в храме Текущего, Милосердного к морякам, величайшего из богов, святотатцы! – услышали они гневный отклик. Из глубины храма к ним шёл высокий старик, который не мог быть никем иным, кроме местного жреца. – Захватили мирный город, а теперь собираетесь ограбить святое место?! Воры!

– Воины Грома никогда не грабили жилища богов! – с вызовом ответил Пескарь, выходя вперёд с мечом в опущенной руке. Жрец опирался на крепкий посох, но юноша сомневался в том, чтобы старик решился на них напасть. – Кто ты, назовись!

– Я Пеликан, жрец храма Текущего, Милосердного к морякам! – ответил тот. – А ты кто, святотатец?

– Я сын царя Тверда из Города-в-Долине, по имени Пескарь, – ответил юноша. – И мы не святотатцы. Мы чтим Текущего, как и прочих богов, величайшим среди которых является Отец все сущего Пробудившийся.

– Быть может, в эту ересь и верят у вас в Городе-в-Долине, – запальчиво продолжил препирательство Пеликан. – Между тем, всем известно, что Пробудившийся пробудился из волн морских, и лишь затем взлетел в небеса. А откуда, по-твоему, взялось море, недоверчивый сын царя?! Его создал Текущий, величайший и первейший из богов!

– Я не знал, – удивленно выдал Увалень.

– А ты не верь всему подряд, – тихо сказал ему Пескарь. – Кто построил этот храм? – спросил он жреца.

– Строительство началось при Самарии, отце Поликарпа – нынешнего царя Доса, – солидно ответил Пеликан. – Двадцать вёсен назад это было. И теперь, когда строительство почти завершено, из-за вас, варваров, всё погибло!

– Хватит ругаться, жрец! – угрожающе сказал Пескарь. – Мы так же чтим Текущего, как и ты, и ни одна рука не коснётся его сокровищ. Ты же видишь, здесь нет ни одного из воинов Кадма или Города-в-Долине!

– А ты и твой слуга?

– Мы не грабить пришли, а узнать, что это за величественный дом. Я думал, это дворец царя.

– Наши цари не так самолюбивы, как тираны Кадма! – запальчиво ответил жрец. – Они не мнят себя существами, что выше богов!

– В Кадме есть храмы и Текущего, и Пробудившегося, и Матери-Земли, – возразил Пескарь.

– Но храмы эти малы и совсем не так величественны, как обиталище царя!

Пескарь не знал, что на это ответить, потому что жрец, возможно, был прав – но соглашаться с ним желания не было. Юный воин вложил меч в ножны и прошелся по храму, осматривая его убранство. Храм был богатый: были здесь и великолепные росписи, и мозаики, и золотые курильницы, и разнообразные сокровища – явно подношения Текущему. Перед статуей огромного сидящего бога возвышался круглый медный алтарь диаметром в три-четыре локтя. На нем можно было приносить и кровавые жертвы, и во всесожжение.

Сама статуя, выполненная из бронзы, золота и слоновой кости, была самым величественным сооружением, которое до сих пор видел Пескарю. Бог был почти как живой. Казалось, он вот-вот встанет и пробьёт головой крышу храма – так он был велик и могуществен.

– Чувствуешь трепет?! – обратился к нему жрец. – Знай, что ты полностью во власти Текущего! Помни и не забывай об этом!

Похоже, жрец привык к тому, что посетители храма восхищаются статуей. И когда Пескарь повел себя так же, как обычный прихожанин, тот немного успокоился. Страх его начал проходить – по крайней мере он понял, что захватчики не собираются убивать его на месте.

– В любой миг Текущий может покарать вас, разрушителей мирных городов, убийц женщин и детей, осквернителей святости домашнего очага!

– Ты уже второй раз называешь жителей Доса мирными, – с раздражением ответил Пескарь. – Хотя всем известно, что вы сами – грабители и пираты.

– Мореходы Раадоса нападали на корабли Кадма, это верно, – сказал жрец противным тоном всезнайки. – Но не мы первые начали эту войну! Кадмийцы еще раньше стали топить корабли, идущие в Дос.

– Неправда! – выкрикнул Увалень.

– Нет, правда! – по-детски возразил Пеликан. – Раадос лежит на выходе из Кадмийского залива, и морякам других городов и стран незачем терять два лишних дня, чтобы плыть в Кадм и обратно, если они могут здесь обменять свои богатства на все те же товары, что есть там. Поэтому кадмийцы издревле завидуют нам, раадосцам, и всячески очерняют и притесняют.

– Но вы грабите и корабли других городов, не только кадмийские, – припомнил Пескарь.

– Раадосцы не грабят, а берут подать за проход через свои воды, – стоял на своём жрец. – За то, что мы охраняем торговцев от настоящих пиратов: таглакских налётчиков и душегубов из Кадма.

– С чего это мы должны тебе верить? – подозрительно спросил Увалень.

– Каждый пират скажет, что он никого не грабил, а лишь защищался от напавших на него торговцев, если его припереть к стенке, – поддержал Пескарь.

– Вы вольны верить, во что хотите, – свысока заявил жрец. – Но от этого правда не перестанет быть правдой!

– Все вы, чужаки, странные, – пробурчал Увалень. – Говорите-говорите, и не поймешь, не то правда, не то врётё или хвастаетесь. Вот мы, воины Грома, всегда говорим правду. Нам просто незачем изворачиваться. Если мы говорим, что наша фаланга непобедима, то это потому, что нас никому ещё не удалось одолеть в открытом бою. А не потому, что нам так хочется.

– Пойдем, Увалень, – сказал Пескарь. – Да, вот ещё, жрец! – он вытащил из кармашка на поясе медную монетку, которую выиграл у Копера. – Возьми, это мое подношение Текущему. Я дал бы больше, но у меня больше никаких сокровищ нет.

Пеликан недоверчиво принял жертву.

– Текущий, Милосердный к морякам, принимает твоё подношение, – положенной формулой ответил он. – Да будет на тебе его благословение.

Молодые воины направились к выходу из храма, когда путь их прервало неожиданное движение справа, за колоннами.

– Подожди, воин! – услышал Пескарь взволнованный, но храбрый женский голос. Он даже схватился было за рукоять меча, но потом отпустил ее. – Ты правда сын царя Города-в-Долине?

– Я не привык, чтобы в моих словах сомневались! – грозно ответил Пескарь. – А ты ещё кто?

Девушка вышла из-за колонны.

– Я Марина, дочь царя Доса Поликарпа, – ответила она, стараясь держаться гордо. Ей было вёсен двадцать пять, на ней был просторный хитон до лодыжек, а ее распущенные светлые волосы были украшены лёгкой золотой диадемой с бриллиантом. – Что с моим отцом? Ты можешь мне сказать?

– В последний раз, когда я его видел, он был жив и здоров. Его взяли в плен кадмийцы.

– Горе нам! – всплеснула руками женщина. – Что теперь с ним будет?
– Я не знаю, – признался Пескарь. – Наверное, станет рабом, как и остальные раадосцы.
– Горе, горе нам! – повторила Марина, и из глаз её хлынули давно сдерживаемые слезы. – За что послал нам Текущий это испытание? За что наказывает нас?

– За пиратство, – немного злорадно сказал Увалень.
– Мой отец не пират и не разбойник! – с чувством воскликнула женщина. – Это всё кадмийская ложь!

– Откуда тебе известны дела мужчин? – спросил Пескарь. – Может, он просто держал это от тебя в тайне?

– Я его дочь, а не рабыня! – гневно ответила Марина.

– Ну, теперь-то точно станешь рабыней, – сделал вывод Увалень.

Женщина не нашла, что ответить, но слова воина явно испугали её ещё сильнее.

Пескарь вдруг вспомнил первый вечер в Кадме и женщину, послужившую утехой для нескольких десятков воинов. Ее серое безразличное лицо. Представить, что такое же лицо будет и у этой гордой свободной девушки, было невыносимо.

«Всё когда-то бывает в первый раз», – вспомнил он слова Щитолома и решил.

– Я беру тебя в плен, принцесса Доса, – сказал Пескарь. – Теперь ты в моей воле, и я буду решать твою судьбу.

Увалень посмотрел на своего жоака с восхищением.

– Обещаю тебе, что рабыней кадмийцев ты не станешь, – продолжил сын царя. – Иди следом и ничего не бойся.

Марина кивнула головой – наполовину со страхом, наполовину с благодарностью.

– Вот так трофей! – воскликнул Увалень. И беспечно брякнул: – А что Сана скажет?

О Сане Пескарь заранее не подумал. «Ох, что-то будет, когда я приведу домой морскую царевну... Правда, она разрешила мне брать в плен сколько угодно раадосок, а Марина – как раз одна из них!» Логический выход был найден, но Пескарю почему-то казалось, что его логика вряд ли обрадует ревнивую дочь старейшины.

14

Когда молодые воины и их пленница вернулись на рыночную площадь Доса, кадмийцы собрали там уже большую толпу пленников. Самых крепких начали на всякий случай заковычивать в цепи. Здесь же было немало и женщин, вытщенных из их домов.

Вдруг один из кадмийцев набросился на пленника и принялся жестоко его избивать, отчаянно ругаясь. Пескарь заметил, что кадмиец коротко острижен и одет слишком плохо для воина, в одну лишь драную рубаху. «Это раб, которого мы освободили! – догадался юноша. – Кадмиец, когда-то попавший в плен к раадосцам, отыгрывается на своём бывшем хозяине. И теперь сам хозяин превратится в раба... если переживёт эту ночь, конечно».

Царь раадосцев сидел отдельно. Роскошный шлем исчез в чьей-то походной сумке, и Пескарь смог опознать его лишь по цельному бронзовому панцирю, который пока снять не успели.

Воины Города-в-Долине притащили к своему биваку несколько бочек с вином, открыли их и принялись пировать, хвастаясь друг другу своими трофеями.

Пескарь обратил внимание, что к Самшиту привязался какой-то толстяк в богатом одеянии.

– Я не раадосец! – кричал он тонким голосом. – Я купец из Белых Камней. Между нашим царем и Кадмом заключён мир, вы не можете меня грабить! Вон у причала стоит мой келет, а это – мои товары!

Самшит пил вино из серебряного кубка и, казалось, не мог решиться – ударить купца или просто напугать его.

Пескарь приблизился к торговцу и примирительно сказал:

– Много ли на твоём келете товаров, что ещё не разграблены?

Купец обернулся, и лицо его побелело от ужаса.

– Что ты хочешь сказать? – спросил он.

– Выход из гавани открыт. Сажай своих людей на корабль и отплывай, пока не поздно, – пояснил Пескарь. – А этот кубок – запиши его в расход как подарок добрым воинам Города-в-Долине.

– Вот-вот, в подарок, – угрожающе добавил Самшит и сделал ещё один большой глоток вина.

Торговец, как показалось Пескарю, только сейчас осознал истинную опасность своего положения. Воины пьянели с угрожающей скоростью.

– Хорошо же, – сказал он, суетливо подбирая полы своего халата, – пусть этот дар послужит вящей дружбе между нашими городами, – и рысью понёсся в сторону своего пузатого корабля. Самшит рассмеялся, глядя, как смешно убегает толстяк, в котором сложно было заподозрить подобную притчу.

– Спасибо, Пескарь! – сказал Самшит. – Я уж не знал, как от него отделаться. Мы с Белыми Камнями действительно не враги, так что как-то нехорошо было бы его прибить. Подарок – это ты хорошо придумал!

Пескарь кивнул в ответ и отошёл в сторону, внимательно оглядывая площадь. Он искал взглядом Рубача.

– Сын царя, – услышал он тихое обращение Марины. – Я хотела бы подойти к отцу, перевязать его раны.

– Он не ранен, – ответил Пескарь. – Поговоришь с ним позже, сейчас не время. Не отходи от меня далеко, а то не избежать беды.

Рубач о чем-то беседовал с Сафиром у входа в самый богатый дом на площади; их окружало несколько воинов обоих городов. Сафир, как понял Пескарь, после гибели Турупа оказался главным в отряде кадмийцев.

Пескарь, Увалень и пленница приблизились к ним.

– Хорошо, воевода, – заканчивал спор двух предводителей Сафир. – Вы тоже отплываете завтра утром. На «Крокодила», конечно, придётся посадить намного меньше пленников, но мы возьмем вас на борт первым же рейсом. Без «Косатки» нам всё равно понадобятся еще корабли.

– Вот и прекрасно, – отрезал Рубач.

– Прости мне этот вопрос, воевода, – добавил Сафир. – Но почему ты так стремишься скорее уплыть? Ваши воины могли бы грабить город ещё несколько дней – наш договор позволяет это.

– Нашим воинам ни к чему безделушки ваших городов, – неприязненно ответил Рубач. – Ничего хорошего нет в ваших морских товарах. Сначала молодежь пристрастится к золоту, а потом начнёт воевать грязным железом, забыв про добрую бронзу.

– Так и добрая бронза приплывает к вам из-за моря! – усмехнулся Сафир. – Может, воинам ходить в шкурах и колоть врага костяными копьями?

Но Рубач не принял подколку на свой счёт:

– В костяном копье и каменном топоре больше благородства, чем во всех ваших кораблях и железных стрелах – главное, чтобы держала их верная рука.

– Я не настаиваю, – ответил Сафир. – Нам достанется больше.

– Сафир! – вмешался в их разговор Пескарь, понимавший, что лучшей возможности не представится. – По праву победителя я заявляю, что беру в плен дочь царя Доса Поликарпа, – он указал рукой на девушку.

Кадмиец изменился в лице.

– Воины Грома не должны брать пленников на Раадосе! Об этом вы договорились с царём Василием!

– Меня не было при том разговоре, – возразил Пескарь. – Тогда я не был воином, но после сегодняшней битвы я – наследник Тверда, царя Города-в-Долине. И не обязан держать слово, которого не давал. Или ты, простой воевода, решишься спорить с сыном царя?

Сафир заскрежетал зубами.

– Нет, сын царя, я не буду спорить с тобой. Это между тобой и царём Василием. Бери пленницу, хоть и без моего согласия, мои люди на Раадосе и на пути в Кадм не будут чинить тебе препон.

Пескарь удовлетворенно кивнул и отошёл в сторону. Рубач направился за ним следом.

– Опасную игру ты затеял, Пескарик, – сказал он, но от юноши не укрылось, что на губах воеводы заиграла улыбка. – Дочь царя – не простая пленница, ведь Раадос, хоть и захвачен, но не покорён.

– О чем это ты, Рубач? – нахмурился Пескарь.

– Я не могу проникать в мысли царей, но я долго беседовал с Василием, – ответил воевода. – Чем хмельней он становился, тем больше лишнего говорил. Не думаю, что царь Кадма хочет разрушить Дос до основания и посыпать солью здешнюю землю. Ему гораздо выгоднее сделать раадосцев своими данниками. А управлять ими проще всего, если держишь за горло признанного ими царя. Думаю, что на дочь Поликарпа были у него свои особые планы. Конечно, есть ещё Фемистокл, его старший сын, но мы пока не нашли его ни среди мёртвых, ни среди пленных; скорее всего, его просто не было в Досе, когда мы напали. Пиратствует где-то, даже не подозревая, что его дом разорён. А может, он ушёл на той галере, которой удалось сбежать...

Пескарь хмыкнул.

– Кажется, именно это называется словом «политика», не так ли, воевода? Раньше я не понимал его смысла.

– Я замечаю, что с каждым днём ты понимаешь всё больше. Этот поход уже сделал из тебя мужчину. Теперь придется приложить усилия, чтобы он не сделал из тебя мертвеца.

Пескарь кивнул и отвел в сторону Марину:

– Теперь можешь пойти поговорить с отцом. Но лучше не задерживайся надолго.

Подобрав в одной из куч товаров какую-то бедную шерстяную тряпку, он накинул её поверх дорогого хитона царевны, предварительно сняв с её головы бриллиантовую диадему. Женщина ничего не сказала, хоть и заметно помрачнела, а затем поспешила на встречу с царём Поликарпом.

Захваченное сокровище Пескарь бросил в общую кучу трофеев: десятая часть пойдёт царю, десятая часть – храму Пробудившегося, десятая часть – старейшинам, ещё две десятых части – на общие нужды города, а оставшуюся половину воевода разделит по справедливости между воинами, участвовавшими в битве, и семьями павших в бою.

Празднование победы было в самом разгаре. Многие из победителей были уже пьяны и распевали радостные и шуточные песни. Другие хвастались своими подвигами, совершенными во время битвы.

Пескарь обратил внимание, что далеко не всем понравилось решение воеводы: уплыть с острова завтра же, вместо того чтобы продолжать грабеж. Но по-настоящему роптать никто не решился.

– Сыны Грома! – выкрикнул Рубач, принимая поднесенный ему кубок. – Щиты из дуба выстояли вновь!

– Хайи! – ответили воины.

– Кровавые копыя отведали плоти врагов!

– Хайи!

– Славная победа, достойная памяти предков!

– Хайи!

– Сегодня они гордились нами и радовались нашим подвигам!
– Хайи!
– Выйди вперед, Рукоед! Сегодня ты пронзил копьем двух врагов!
– Рукоед! Хайи!
– Сегодня пал Пальцеруб, наш брат, прошедший множество битв! Мы будем помнить его!
– Айя-а, Пальцеруб!
– Выйди вперед, Увалень! – юноша смело вошёл в круг воинов Грома. – Ты храбро бился и стойко держал строй, ни на шаг не отступил под натиском врага. Ты одолел и взял в плен вражеского воина. Отныне ты достоин называться воином Грома, Увалень Стойкий!
– Стойкий! Хайи, Стойкий, – поддержали воины.
Стойкий трижды повторил своё имя, вонзая в небо копье, и на лице его заиграла блаженная улыбка. Его отец Силач тут же поднес ему кубок с вином, и воин одним духом осушил его.
– Наконец-то я дождался этого дня. Горжусь тобой, сын! – сказал могучий старейшина и знатно хватанул Стойкого каменной лапищей по спине.
– Выйди вперед, Ящерка! – вызвал Рубач.
Ящерка выпустил из рук объёмистый и явно потяжелевший заплечный мешок.
– Ты бился достойно, не давая врагу спуска! Противовесом копья ты оглушил и затем пленил вражеского воина. Как скорпион, который пугает врага клешнями и неожиданно бьёт хвостом. Жало!
– Жало! – подхватили воины.
– Жало! Жало! Жало! – задорно выкрикнул воин своё новое имя.
– Выйди теперь ты, сын царя, Пескарь! – и Пескарь вступил в круг воинов, стараясь держаться важно. Но улыбка непроизвольно зацвела у него на губах.
– Ты сразил вражеского воина камнем, – начал Рубач. – Ты стоял в фаланге как скала. Ты вонзил копье в лицо врага. Ты взял в плен царевну Доса! Много имен предлагали тебе воины Грома. Выбери то, что тебе по вкусу!
– Скала! – раздались крики. – Пленитель! Лицеруб!
Пескарь поднял руку, требуя тишины.
– Храбрый Щитолом раньше предложил мне имя. Отныне я – Длиннодум! – воскликнул воин, выхватив меч и устремив его в небо. – Длиннодум! Моё имя – Длиннодум!

15

Ночью ветер принёс с моря дождь и грозу. Гром грохотал, и молнии яростно обрушивались на землю с небес. Воины Города-в-Долине, подхватив свои вещи, попрятались в окружающих рыночную площадь домах. Перенесли и раненого Щитолома. Он не проснулся, лишь громко стонал во полусне.

Воины восхищённо наблюдали за бьющими в море и землю огненными стрелами, сопровождая каждую короткой формулой – просьбой к Пробудившемуся о милосердии:

– Пощади нас, бог Грома!

С началом грозы вернулась Марина. В глубине души Длиннодум надеялся, что девушка сбежит из города и спрячется, и ему не придётся всерьёз о ней заботиться. Но судьба распорядилась иначе.

Когда рассвело, дождь прекратился, но небо всё ещё было затянуто тучами. Улицы захваченного города были мокры, тут и там образовались грязные лужи.

Вскоре явился гонец от кадмейцев, приглашавший их подняться на борт «Крокодила», который должен был отплывать с первой партией пленников.

Воины первым делом хотели погрузить на корабль Щитолома. Но оказалось, что он был мёртв.

– Пробудившийся приходил ночью, чтобы самолично забрать его на одной из молний, – сказал Стойкий. – Такой чести удостоиваются лишь величайшие герои.

– Айя-а, Щитолом! – говорили соратники погибшего, подходя к нему по очереди. Теперь два тела принесут в Город-в-Долине на щитах воины Грома.

Длиннодум опустился на колени перед мертвым другом, не сдерживая слез. В его смятенной душе боролись гордость за прекрасную смерть доблестного воина и горечь – несмотря на все благоприятные знаки богов, он ощущал, что судьба была несправедлива к Щитолому.

– Ты герой, Щитолом, – тихо сказал он. – Ты был храбр и силен духом. Но тело твое не было достаточно крепким для того, чтобы выстоять в фаланге. Так неужели геройская смерть – это все, чего ты был достоин?

Рубач, стоявший рядом, вмешался в его разговор с ушедшим другом:

– Такова стезя воинов Грома. Иной судьбы желать незачем.

Длиннодум поднялся с колен и, не отирая слез с лица, внимательно посмотрел в равнодушные глаза старого воеводы. Но ничего не стал возражать. Он вдруг понял, что объяснять что-то стоит лишь тому, кто способен тебя понять.

– Задержи отплытие, воевода, – приказал Длиннодум. – Ненадолго. У меня ещё остались здесь незавершённые дела.

Рубач кивнул:

– Я сделаю это, сын царя.

Длиннодум направился к храму Текущего. Стойкий, подхватив копьё и щит, как обычно, увязался за ним следом. Когда он поднимался по высоким ступеням, мокрый ветер рвал его плащ. Незаметной тенью последовала за своим пленителем и Марина.

– Ты здесь, жрец?! – закричал Длиннодум, вбежав в бронзовые двери храма.

– Это ты, Пескарь, сын царя Города-в-Долине? – Пеликан, казалось, ничуть не удивился его появлению.

– Пескарь умер, – нетерпеливо ответил воин. – Вчера родился Длиннодум, новый воин Грома.

– Значит, Длиннодум, – кивнул жрец. – Что привело тебя в храм Текущего, Милосердного к морякам?

– Вопросы.

– Спрашивай, – кивнул старик.

– Скажи мне, жрец, знаешь ли ты о пророчестве, несущем гибель? Правда ли, что каждые триста девяносто девять вёсен боги, оскорбленные преступлениями людей, очищают от них землю, чтобы населить её новыми безгрешными созданиями?

Жрец кивнул, напустив на себя особенно важный вид:

– Я слышал об этой ереси. Неужели это то, во что верят в Городе-в-Долине?

– Так говорит жрец Храма на Холме, служащий Пробудившемуся, его имя Солодан.

– Ты боишься, что срок гнева скоро настанет? – спросил Пеликан.

– Нет, – твёрдо ответил Длиннодум. – Я боюсь... нет, я не боюсь, я... сам не знаю, что.

– Во-первых, хочу сказать тебе, сын царя, что мы, служители Текущего, не разделяем веры в пророчество о круговороте божественного уничтожения, – солидно начал Пеликан. – Мы считаем, что Текущий, величайший из богов, может в любой момент покарать любого нечестивца, если посчитает нужным, или корабль, или целый город, буде у него явится такое желание. И ему нет нужды ждать сколько бы то ни было вёсен для этого. Во-вторых, если уж вступать в дебри теологических диспутов, не стоит воспринимать число «триста девяносто девять» буквально. Я удивлен, что ваш жрец Солодан не сказал тебе этого. Пророчество о циклической гибели идёт от волхвов и магов Востока, и на языке их мудрости иносказательно означает длинный срок. Например, если спросить волхва, когда океан поглотит горы, он может ответить: «Через триста девяносто девять вёсен», – что значит «одни боги знают, когда, но очень нескоро».

– Значит ли это, что жрецы разных племён верят в разное? – мгновение назад сам Длиннодум не знал, что задаст этот вопрос. – И проповедуют разное? Известна ли вам – жрецам – истина?

– Воля богов, их пророчества и угрозы никогда не звучат для людей явно, – ответил Пеликан. – Мы же, их скромные слуги, пытаемся в меру сил трактовать сии окутанные тайной послания. Жрецы Текущего считают, что это в природе верховного бога – как сам он является вечно изменяющейся сущностью, и никогда не бывает прежним в следующий момент времени, так и воля его, слова его могут течь и изменяться.

– А ты уверен, что это Текущий – верховный бог, а не Пробудившийся? Ведь это Пробудившийся смотрит на землю своим гневным оком, дающим жизнь, и это он бьёт могучими молниями с небес?

– И ты смеешь вести подобные речи в храме Текущего, Милосердного к морякам? – возмутился жрец. – Из моря поднялась суша, и в море вернётся. Из моря вышел Пробудившийся, и вместе с ним из моря родилась Небо, супруга Пробудившегося. Однако если Текущий, владыка вод, решит наказать своего громовержущего отпрыска, он утянет того назад в море, и ярость его потухнет, как дымящаяся головешка, окунутая в океан! Выйди на берег и оглянись – почти всё, что ты увидишь вокруг, будет море. Океан простирается так далеко, что не имеет краёв.

Длиннодум, казалось, не слышал окончания речи жреца, погружённый в собственные мысли.

– Если у меня будут еще вопросы, я вернусь, – сказал он наконец. – А до тех пор – прощай, жрец. Желаю тебе блага.

– Удачи в поисках, сын царя, – ответил тот.

Выходя из храма, воины не заметили, как тихо и печально прощалась со жрецом Марина.

– Странные речи ведёт этот жрец, – сказал Стойкий, когда они спускались по ступеням. – Вроде выглядит умным, и говорит уверенно, но всё какие-то глупости. Разве может Текущий быть верховным богом? И разве море такое уж бескрайнее? Как по мне, суши гораздо больше, чем этого его океана. Если подняться на самый высокий хребет из окружающих Город-в-Долине гор, море будет едва видно. А с Холма его не видно вообще.

– Я тоже подумал об этом. К тому же я никогда не слышал о богине Небо; разве у Пробудившегося вообще может быть жена? – шутливо спросил Длиннодум, и Стойкий улыбнулся, радуясь тому, что их мысли сошлись. Но вслух Длиннодум не сказал, что его мысли простирались дальше...

Сафир и Рубач вместе ожидали на каменном причале, когда придёт сын царя. Кадмийский воевода ничем не выразил своего недовольствия из-за задержки в отправлении «Крокодила».

Когда Рубач поднимался по верёвочной лестнице на борт корабля, Сафир, который оставался командовать войском Кадма в Досе, уловил момент, чтобы вполне сочувственно сказать Длиннодуму:

– Я рад, что не мне придётся сообщать царю Василию о почётной гибели в бою его возлюбленного среднего сына. Не торопись, выбирая слова, когда будешь говорить с ним.

Длиннодум посчитал, что это действительно был добрый совет.

– Мне приятно было биться бок о бок с тобой, воевода, – сказал он в ответ. – Славная была победа.

Сафир кивнул, и они пожали друг другу локти.

На обратном пути Длиннодума не покидали мрачные мысли. Он, как и в прошлый раз, стоял на носу корабля, глядя на волны. В этот раз они были гораздо выше, но теперь не так пугали воина – он уже знал, что «Крокодил» – корабль вполне надёжный; главное – не поворачиваться к волне бортом.

Марина сидела рядом, следуя за ним, словно тень – безмолвная и незаметная.

Око Пробудившегося скрылось за облаками, и море, словно загрустив, тоже было серым. Правда, это не мешало воинам, собравшимся на палубе, продолжать праздник победы над раадосцами.

Примерно в полдень корабль нагнала одинокая русалка. Длиннодум заранее заметил её изогнутый спинной плавник над волнами.

– Тирри-лирри! – сказала русалка, подплыв к Длиннодуму и высунувшись из воды. На вытянутом рыльце её играла уже знакомая улыбка. – Тирри-лирри!

«Дураки вы!» – послышалось в этом зове Длиннодуму.

– Ты права, хитрая наяда, – ответил воин. – Я дурак. Я, правда, понял, что ничего не понимаю, – а это уже что-то. Другим за всю жизнь и этого понять не удастся...

Русалка попрощалась с ним радостным щебетом и резво поплыла прочь от корабля. А Длиннодум вернулся к своим невесёлым размышлениям.

«Сыну бедного козопаса не дано стать жрецом», – сказал Щитолом. А почему, собственно? Неужели сами боги установили такие правила? Слова богов неясны, как и их приказания, и их пророчества, – так утверждает Пеликан. Так кто же превращает божественные намеки в людские правила? И откуда вообще берутся эти «слова богов»? Кто в последний раз видел богов живьём, или хотя бы говорил с ними? Откуда снисходит на нас их воля?

Иногда жрецы говорят, что боги обращались к ним напрямую. Но как это происходит? Боги являются к ним во плоти, или лишь звучат голосами в голове? Чаще всего Солодан говорит, что Пробудившийся являлся к нему во сне. Но с чего он взял, что это сам Пробудившийся, а не просто сон самого жреца? Как может он быть уверен в том, что ему приснилась именно воля бога?

Неужели Козлик... то есть Щитолом – неужели он был бы худшим жрецом, чем Солодан или этот странный Пеликан? Взял бы себе какое-нибудь диковинное имя, вроде Небокан или Горыкан – и служил бы в храме, общался бы с богами... и ему не пришлось бы умирать.

Почему нельзя отремонтировать храм, если от этого зависит судьба всех людей? Или... все-таки не зависит?

Мир создан богами, учили его с детства. Боги создали также и людей, и правят ими по собственному усмотрению. По решению богов люди делятся на мужчин и женщин, воинов и рабов, по велению богов у них есть цари. Боги жестоки, и боги же милосердны. Почему? Да не почему, просто они таковы, каковы есть. А люди? Люди могут быть и жестокими, и милосердными, как сами захотят. Люди могут преступать волю богов. Правда, боги их наказывают за это... но вроде бы не всегда?

Длиннодум почувствовал, что в очередной раз залез в какие-то дремучие мысленные заросли и запутался. Что-то важное ускользало от него, что-то, без чего все размышления вели в глухие тупики.

Как хотелось ему сейчас взглянуть в глаз Пробудившегося, чтобы прочесть в нём ответы на все свои вопросы! Но небо всё так же было затянуто тучами. Жестокий бог отвернулся от своего творения...

«Для чего вообще живёт на свете человек? – вдруг подумал юноша. – Если для того, чтобы выполнять волю богов – то что в том богам? Что за дурацкая игра – сначала наделять человека свободой нарушать эту волю, а потом пристально наблюдать за ним: будет он себя вести как велено, или ослушается? Зачем им это?»

Можно ли вообще понять те или иные причины действий или желаний богов? С одной стороны, всё, что, как с детства помнил Длиннодум, говорил Солодан о богах, было предельно ясно. Боги хотят того и не хотят этого. Например, Пробудившийся хочет, чтобы ему принесли в жертву двух козлов в Храме. Пробудившийся не хочет, чтобы Тревога засадил виноградом выпас, на котором кормятся быки Шустрого. Но, может быть, Пробудившийся хотел вовсе не

этого? Может, он сказал Солодану отдать двух козлов Шустрому, чтобы тот уступил Тревоге свой выпас под виноградник, а Солодан просто всё перепутал?

Последняя мысль неожиданно сильно испугала Длиннодума. Он ещё не понял, почему, но внезапно вспомнил слова матери: все эти сложные вопросы про богов – это слишком запутанно, чтобы нам понять. «Не думай об этом, Пескарик».

Так и живёт большинство, понял он. Не думают вообще, или принимают на веру самые простые ответы. Слишком сложно... или слишком страшно? Эх, был бы жив Козлик – было бы с кем хоть всё это обсудить! То есть, конечно, Щитолом! А впрочем, какая вообще теперь разница?..

На глазах Длиннодума вновь выступили слезы, размывая облик сырой и неуютной вселенной – совершенного творения богов.

16

Обратный путь с Раадоса занял гораздо больше времени, чем путь на остров – как объяснили мореходы, ветер не был попутным. Корабль причалил в гавани Кадма лишь на рассвете следующего дня.

Огромная толпа горожан ожидала его прибытия.

Царь Василий был уже в порту. Он бросил свой трон-носилки и с явным нетерпением ожидал, когда «Крокодил» наконец-то пристанет. Рядом с ним стояли воевода Барам – тот самый, который стоял во главе посольства, уговорившего Тверда участвовать в войне – и еще один сановник в богатых одеяниях, которого Длиннодум раньше не видел. Тот был уже немолод, но всё же много моложе царя, и юноша заключил, что это должен быть старший сын Василия – Парещий.

– Воевода Рубач! – позвал стоящего у борта пожилого воина Василий, когда корабль ещё только приближался к пирсу. – Скажи мне, что «Косатка» охраняет гавань Доса! Скажи мне, что мой сын, мой любимый Туруп остался в захваченном вами городе!

– Мы действительно захватили город, царь, – ответил Рубач и замолчал.

– На «Косатку», наверное, всё ещё грузят богатую добычу? – в голосе царя чувствовалось истинное волнение. «Он не в шутку любит своих сыновей», – с сочувствием отметил Длиннодум.

Рубач тяжело вздохнул:

– Нет, владыка. Потери Кадма в битве были велики – «Косатка» пошла ко дну.

– Не тяни же, скажи, что с моим сыном! – волнение в голосе царя начало перерастать в гнев. Обычно бесстрашный воевода молчал, ни одним движением не выражая своих чувств.

«Ну что ж, Сафир, попробую последовать твоему совету!» – подумал Длиннодум и громко сказал:

– Сегодня день скорби для тебя и для всего Кадма, царь Василий! Ибо сын твой, достоинхрабрый Туруп, пал в бою. Он разгромил раадосцев в морском сражении, те сделали вид, что отступают, но неожиданно их галеры напали на «Косатку». Капитан достойно принял удар, но погиб вместе с кораблем, и море стало его могилой.

На долгий миг над портом повисла тягостная тишина, а потом повсюду зазвучал скорбный плач: «Айя-а, Туруп! Айя-а, прекрасный сын Кадма! Горе нам!»

– Клянусь, что спалю дотла этот проклятый город! – закричал, перекрывая общий вой, Василий. – Вырежу всех скотов до последнего сосунка! Богами клянусь и беру их в свидетели!

– Отец! – вторгся в речь царя его наследник. – Подожди, отец!

Но исполненный скорби повелитель и не думал останавливаться:

– Камня на камне там не останется, и сама память о Досе исчезнет! Я засыплю их поля солью, как и собирался вначале, и не буду больше слушать ничьих безумных советов! Я заставлю всех забыть самое имя проклятого острова, да поглотит его Ад! Отныне он называ-

ется Туруп, в память о моем несчастном сыне, и если кто скажет Раадос – лишится головы! В последний раз звучало в подлунном мире это гнусное слово!

Выкрикнув свой ужасный приговор, царь замолчал, а потом изменившимся голосом, тихо и печально сказал:

– Айя-а! Горе мне. Горе мне, несчастному отцу.

Василий развернулся и, склонив голову, медленно побрел прочь. Он прошёл мимо своих носилок, казалось, даже не заметив их. Не сказав никому больше ни слова, он направился в сторону своего дворца. Царские гардерии безмолвно следовали за ним, и рабы потащили пустые носилки.

Длиннодум обратил внимание на то, что Пареций взволнованно перешёптывается о чем-то с Барамом. Барам настаивал, а Пареций всё больше раздражался.

– Позже! – выкрикнул наконец наследник царя Кадма. – Сейчас у меня слишком много дел.

– Как скажешь, владыка порта, – склонился в неглубоком поклоне Барам. – Поговорим в другой раз. Но и тянуть нельзя, ты же сам всё только что видел...

Первыми с «Крокодила» сошли воины Города-в-Долине. Они же спустили и тела своих павших. Пальцеруба и Щитолома несли на их же щитах, просунув и укрепив под ними копыя, каждого – по четыре соратника; копыя клали на плечи. Только так: со щитом или на щите – возвращались в родной город воины Грома. Уставших носильщиков сменяли их товарищи: нести героев, отдавших жизнь за свою родину – это была большая честь и возможность отдать дань уважения погибшим.

– Мы не задержимся в Кадме ни на день? – спросил Длиннодум Рубача.

– Мы не задержимся в Кадме ни на один лишний миг, – ответил воевода. – Воинам Грома ни к чему перенимать здешние тлетворные обычаи. Представь, я уже видел у воинов эту дрянь, которую пихают себе в еду, а потом в рот кадмийцы.

– Ты говоришь... о ложках? – удивленно переспросил Длиннодум, припомнив, что одна, выточенная из дерева Щитоломом, прямо сейчас лежит в его собственном заплечном мешке.

– Как будто трудно есть мясо руками, а суп хлебать обычными раковинами! – фыркнул воевода. – Сначала им захочется иметь ложки и железное оружие, потом – ходить в дорогих одеяниях вместо доспехов. А потом, чтобы купить всё это, они примутся гоняться за богатством. Нет, это не путь Города-в-Долине!

– У кадмийцев много плохих традиций, – осторожно заспорил Длиннодум. – Взять хотя бы их неудержимую страсть к порабощению свободных людей... но у них много и хорошего! Ложки, корабли, стены, колокола...

– Ни к чему воинам Грома, – сухо отрубил Рубач.

– Всё равно, мы не можем уйти прямо сейчас, – сказал Длиннодум. – Мы должны сначала поговорить с царём. Нам многое нужно обсудить!

– Ты имеешь в виду девчонку? – воевода махнул головой в сторону Марины. – Ты же слышал, что сказал царь, – он хочет убить их всех. Лучше не показываться ему на глаза с этой пленницей, во всяком случае не сейчас. Авось, о твоей игрушке просто забудут.

– Мой отец! – не удержавшись, воскликнула Марина. – Он же в брюхе этого «Крокодила» – его ведь убьют!

– Такова судьба воина, – снизошёл до ответа рабыне Рубач. – Если твой отец был им – он с достоинством примет смерть.

– В смерти нет никакого достоинства, – неожиданно для самого себя, с необычной для него злой интонацией в голосе сказал Длиннодум. – Смерть – это просто смерть. Если умирает хороший человек – это всегда плохо. А если плохой – хорошо.

– Мой отец – хороший человек! – с вызовом воскликнула пленница.

– Твой отец был пиратом. Не важно, как он это объяснял тебе, – равнодушно сказал Рубач. – Вдовы многих моряков и торговцев с радостью узнают о его кончине.

Девушка, громко всхлипнув, заплакала.

– Неправда! – закричала она сквозь слёзы. – Всё равно вы все поплатитесь, когда придут кентавры! Мой отец заключил с ними договор, мой брат приведёт их в ваши земли, и они всех вас перережут, как скотину!

– Кентавры, говоришь? – усмехнулся шедший рядом Самшит. – Это всё детские сказки. Не забудь поугагать ими малышом Города-в-Долине.

– Попробуй скажи это получеловеку-полуконю, когда он поставит свои копыта тебе на грудь!

– Держи себя в руках, – оборвал рыдающую женщину Длиннодум. – Даже если ты пленница царского сына, это не даёт тебе права перечить, а тем более грубить воину. Знай свое место.

Марина испуганно замолчала, даже слёзы прекратили течь из её глаз.

«Мне самому было бы интересно узнать, что это за «место», которое тебе нужно знать, – подумал Длиннодум. – И что мне с тобой делать».

Вскоре отряд Города-в-Долине покинул Кадм. Не замедляя шага, воины вышли за ворота, и знакомым путем направились по горной тропе к перевалу.

День прошёл без происшествий, разве что Марина сбила ноги на камнях, непривычная к долгим путешествиям пешком. Длиннодум несколько раз советовал ей снять сандалии, чтобы они не натирали – жители Города-в-Долине все как один ходили босиком. Но женщина отказалась.

Вечером она стонала от боли и плакала от обиды. Один из воинов сжалился над ней и поделился мазью из козьей мочи.

– Как я буду жить? – вдруг спросила она Длиннодума, неумело накладывая мазь на израненные ноги. – Я должна буду прислуживать тебе? Стать твоей наложницей?

В глубине души мысль показалась Длиннодуму заманчивой. Он подумал, что его сограждане могли бы принять введение института наложниц вполне благосклонно. Если всё когда-то бывает в первый раз, то может быть и это... Но тут же что-то внутри него воспротивилось циничной идее.

Владеть человеком, словно козой, из прихоти имея право в любой момент перерезать ему горло. Что-то в этом было глубоко неправильное. Всё его существо восставало против этого. «Кто угодно, только не я», – подумал Длиннодум.

– Кто угодно, только не я, – сказала Марина. – Я убью себя, если ты только попробуешь.

Сидя вокруг большого костра, вновь пели воины Грома скорбную песнь, поминая павших. «Помни нас, помни нас, брат...»

И среди долгого перечня имен в эту ночь появились новые.

– Пальцеруб, – спел Древко.

– Щитолом, – спел Длиннодум. – Помни нас, помни остров Раадос.

– Помни нас, помни нас, брат, – подхватил стройный хор голосов. – В чертогах подземных бога, что мёртвыми правит, мы ждем вас в холодном дворце...

К вечеру следующего дня отряд вошёл в Город-в-Долине. Радости встречающих не было предела. Лишь жена и дети Пальцеруба, да старик-отец Щитолома предались скорби.

Остальные же закатили весёлый пир в честь победы. Больше других чествовал своего сына царь Тверд. Раз за разом просил он воинов расписывать подвиги Длиннодума.

– Камнем?! Простым камнем, даже не свинцовым ядром? – восхищался уже далеко не трезвый царь. – Неужели копьём прямо в лицо, и шлем не спас?! Вот он, мой первенец!

Лишь раз тень набежала на его лицо – когда он усомнился в выборе сыном имени.

– Камнемёт лучше звучит, – тихо, так, чтобы не слышали остальные, сказал он юноше.
– Для воина или для царя? – глубокомысленно ответил Длиннодум.

– Царь Длиннодум. Царь Камнемёт... – задумчиво пробормотал Тверд, словно взвешивая эти сочетания слов на невидимых весах. И внезапно широко улыбнулся, – а ты умеешь думать наперед, Пескарик! То есть, прости отцовский хмель, Длиннодум. Ты знаешь, как получилось с моим именем?

– Ты не раз рассказывал, отец.

– Его предложил мне мой папка, царь Огонь, – не обратил никакого внимания на реплику сына Тверд. – Мужик был страшно умный, настоящий царь! Мы были в походе против черно-руких таглаков. Я первый раз обагрив копьё кровью в битве при Дреднах. Тогда много народу полегло, и какого народу! Один воевода Доска чего стоит, дядька мой. Стапеля и Крепыша стрелами, как ёжиков, истыкали. Потир, такой хохмач был... жалко мужика. И Рубачу тогда досталось. Две стрелы схватил, одну в ногу, поэтому упал, другую в руку – и щит выронил. Тут на него налетает огромный такой таглакский мечник, на башке волчий череп вместо шлема... не знаю уж, как он его к своей макушке приспособил... Так вот, Рубач руку вперед выставил – тут этот здоровяк ему её и отсек. Ну, он ему рубилом по колену, приподнялся, вторым ударом по башке, по черепу этому самому. А таглаки на склоне уже опять луки натянули. Ну, я подскочил и накрыл нас своим щитом. Но смотрю – не помещаемся мы! Рубач обрубок свой к груди прижимает, не соображает ничего... Тогда я копьё своё бросил и Рубача щит подобрал, и так, закрываясь обоими, с Рубачом до леса доползли. Тем вечером мне воины начали имена предлагать: Два Щита, да просто Щит, Стрелолом, Крыша... еще какие-то, забыл уже. А папка возьми и выдай – Тверд! Я сразу согласился. Потому что Огонь – он, как и ты, наперед думал. А то что это за имя для царя – Два Щита? Все равно что Два Сарая. Или вообще – царь Крыша?..

– Так Рубач с тех пор стрелы не любит? – вклинился в отцовские воспоминания Длиннодум.

– А? Да он и до того не особенно их жаловал. Но с таглаками совсем нехорошо вышло. Мы ж привыкли, что они олухи дикие, с каменными топорами да костяными копьями бегают. Бронзы никогда не знали. А тут вдруг у них железо появилось, и сразу вдруг – так много! Чуть не каждая вторая стрела с железным наконечником. Кость-то, если льняной панцирь и пробьет, то оцарапает только. А железные – дело другое. Как нож в масло, в тело входят. Иные и бронзовый доспех могут пробить.

Тверд продолжал рассказывать о подвигах прежних дней, но Длиннодум незаметно для самого себя отвлёкся, и мысли его потекли куда-то – он и сам не мог понять, куда – поначалу без особого направления. Он думал о том, что в Городе-в-Долине всё было таким же, как до похода. С завтрашнего дня должна была начаться обычная мирная жизнь под необременительным водительством царя Тверда. Скоро поспеет второй урожай, потом наступит зима...

Но сам Длиннодум изменился. На войну ушёл ребёнок, а вернулся с неё воин. И впервые именно сейчас, сидя подле праздничного костра, он окончательно осознал это. Пескарь действительно мёртв, и его прежняя беззаботная жизнь не вернётся никогда. «Всё когда-то бывает в первый раз». Длиннодум в первый раз почувствовал, что он стал взрослым. Что это значит? Это значит, что теперь есть люди, судьба которых зависит от него. Теперь они – его ответственность. Его долг. Вот только что делать с этим долгом?

В один миг ему казалось, что всё должно устроиться как-то само собой. Примерно так, как получается у его отца. А впрочем, так ли это просто? Быть может, каждый день Тверд принимает десятки изнуряющих решений, касающихся других людей. А все настолько привыкли к этому, что не замечают лежащего на нём бремени.

И вот уже Длиннодуму кажется, что он не может пускать жизнь на самотек. Сана, Марина, Стойкий – вдруг они ждут от него чего-то? Каких-то активных действий, какого-то судьбоносного выбора?

– Утро вечера мудренее, – сказала тихо подошедшая мама. Она всегда могла распознать, что на душе у её Пескарика какая-то тяжесть.

Длиннодум глубоко вздохнул, кивнул и попробовал улыбнуться.

17

– Что-то я совсем запутался, – Длиннодум тяжело рухнул на старинную скамеечку, прилонённую к стене дома. – Два дня всего прошло, а уже полный кавардак.

– Что, Сана с Мариной? – Стойкий чинил деревянную лопату. Старый штифт, скреплявший плоскую часть с длинной ручкой, совсем сгнил. Работник уже вытащил его и теперь подгонял по размеру новый, из крепкого дерева.

– Весь город уже знает, да? – вопросом на вопрос ответил Длиннодум.

– Я не удивлюсь, если и дикие козопасы знают, – с необычной для него глубокомысленностью заметил Стойкий. – Что крику-то было!

– Я боюсь, она её убьёт, – сокрушенно сказал Длиннодум. – И на меня смотрит волком, так что и не подходи. Марина, наоборот, всё время прячется.

– Хотела бы убить – уже бы убила, – пожал плечом Стойкий. – Хотя, может, ещё и убьёт. Кто знает, что придёт этим женщинам в голову. Особенно такой как Сана. Женись на ней поскорее, так и успокоится. Наверное.

– Женись... – пробормотал Длиннодум. – С одной стороны, конечно, да. И все этого ждут. А с другой...

– А что с другой? – не понял Стойкий.

– Увалень ты все-таки, – беззлобно ругнулся царский сын; в очередной раз он почувствовал, как не хватает ему пронизательности Щитолома. – С другой – Сариза...

– Я думал, её зовут Марина, – удивился Стойкий.

Длиннодум только помотал головой от разочарования. Но – чего уж тут расстраиваться! – хвала богам, хотя бы один друг у него всё ещё остался, так что нечего привередничать.

– Сариза – дочь царя Василия. Они же мне намекали, что непрочь с Твердом породниться.

– О как! – присвистнул Стойкий. – Я-то и не знал.

– Да-а, – тихо протянул Длиннодум. – Ну ладно, пойду я. Ты, я смотрю, занят всё равно.

– Ничего. Заходи, если что.

Длиннодум тяжело вздохнул, поднялся и побрел прочь по узеньким городским улочкам. В пыли купался поросенок. На приземистой крыше, в тени оливы, спала старая кошка. Какой-то карапуз гонялся за курами.

Молодой воин припомнил один из немногих своих разговоров с Мариной.

– Ваш Город-в-Долине – просто какая-то деревня козопасов. Сколько здесь, двадцать домов?

Длиннодум оскорбился:

– Семьдесят два домохозяйства вообще-то. Да ещё Самшит сейчас строится. Хороший дом возводит, из камня и дерева, не из сырца. С очагом.

– Ни городской стены...

– Крепкое копьё в надёжной руке – вот наши стены! – не скрывая хвастовства, перебил юноша.

– ...Ни одного двухэтажного здания нет. Ни единой лавчонки. Даже храм у вас – какие-то развалины на холме.

– Это древнее святилище богов! – возмутился Длиннодум. – Хотя с вашим, конечно, не сравнить...

Никогда в голову ему бы раньше не пришло, что их Город-в-Долине может быть другим. С царским замком-дворцом. Может быть, с высокими башнями...

Навстречу юноше шёл жрец Солодан.

– Я хотел поговорить с тобой, Длиннодум! – позвал он. Жрец был мрачен, и костяшки с ракушками в его ожерелье стучались друг о друга с особенным возмущением.

– Как скажешь, жрец, – ответил молодой воин.

– Пойдём ко мне домой, незачем смущать иных нашим разговором.

Солодан жил в одном из домов, выходящих на центральную площадь, в самане с земляным полом – служителю богов, по его словам, роскошь ни к чему. Двое его сыновей давно выросли, стали воинами, один из них уже погиб в военном походе, второй жил отдельно, в собственном доме. С жрецом осталась только старуха-жена, кое-как ходившая по хозяйству.

Солодан усадил гостя на деревянную лавку, сам же опустился на надежный трёхногий табурет.

– Я слышал, сын царя, что ты побывал в храме Текущего, Милосердного к морякам, в Досе, – начал жрец, разливая ракию по маленьким стеклянным стопкам – такие, сколько знал Длиннодум, выдували в Белых Камнях.

– Да, я был там, – ответил юноша. «Так вот о чём пойдет речь», – подумал он.

– Ты беседовал с тамошним жрецом?

– Да. Его зовут Пеликан. Странный малый.

– Не смутился ли твой разум от бесед с этим глупцом? – напористо спросил Солодан. – Я знаю, что жрецы Текущего часто высказывают безумные мысли. Например, о том, что Текущий будто бы старше Пробудившегося. И чуть ли не могущественнее первого из богов?

– Он говорил это, – подтвердил Длиннодум.

– Я рад, что ты не стал относиться всерьёз к его дурнодиким рассказам. Разве может быть что-либо более нелепое?!

Длиннодум был неожиданно рад, что ему не пришлось сердить старого жреца; или говорить неправду. «Он слишком боится услышать ответ, поэтому не задает вопроса, – догадался сын царя. – Ну что же, тем лучше, тогда это сделаю я».

– Я тоже хотел спросить тебя кое о чём, жрец.

– Спрашивай, сын царя.

– Этот Пеликан... Он высказал одно предположение, которое могло бы объяснить кое-что.

– Вряд ли это так, не стоит доверять речам безумца, – вновь взволновался Солодан. – Но что же он наплёл тебе?

– Он сказал, что срок в триста девяносто девять вёсен – это не точный счет. Будто бы волхвы на Востоке называют так очень долгое время. Словно им лень сказать «вечность».

– Так ты усомнился в цикличности божественного возмездия? Быть может, ты считаешь, что и вины пред богами нет на людях? И искупление им не нужно?

– В чем же вина?

– Да хоть бы в кощунственных помыслах! Почто ты сомневаешься? Почто не берёшь мои слова на веру? Ведь моими устами говорит Пробудившийся!

– Кстати, а как он разговаривает с тобой? – спокойно спросил Длиннодум.

– Мне не позволено рассказывать об этом, – взъярился жрец. – Во всяком случае, не каждому вотще вопрошающему я должен отвечать. Но тебе отвечу, сын царя. Я говорю с Пробудившимся так же, как с тобой. Он приходит ко мне в облике могучесильного мужа, нагой, с блеском в очах. Он произносит слова, которые я не понимаю, но у меня в голове, словно сны наяву, проступает его воля. И яснее этих образов не может быть ничего в целой Вселенной – её невозможно трактовать двояко. Божество знает, как именно общаться со своими слаборазумными творениями.

– Значит, никогда у тебя не возникает никаких сомнений?

– Ни разу не было такого, сын царя.

– А где Он является тебе?

– Чаще всего – на Холме, возле храма древних богов. Но иногда спускается и сюда, в мою скромную хижину, буде явится ему такое желание.

Жрец говорил уверенно. Слова его были как никогда прямолинейны, и сила их была велика. Но впервые в жизни молодой воин почувствовал настоящее недоверие к Солодану. Так же, как до этого в разговоре с царём Василием. «Да ведь он просто врёт!» – догадался Длиннодум. И понял, что ни в коем случае нельзя показать, что догадался. Это было бы неразумно и даже – опасно.

Никогда ещё он не чувствовал настоящей опасности для себя здесь, в самом центре Города-в-Долине, в двух шагах от главной площади, на которой под навесом был установлен трон его отца. словно заноза впиалась в самое сердце его уютного, родного маленького мира.

– Спасибо, что рассказал мне об этом, жрец, – сказал Длиннодум. – Я ценю это, и не забуду твоей доброты.

– Прекрасно, сын царя! – улыбнулся Солодан. – Приходи ко мне снова, если возникнут вопросы.

Длиннодум очень сомневался, чтобы, когда в следующий раз у него возникнут вопросы о богах, он решил задать их жрецу. Теперь вряд ли на этот счёт он поверит кому-нибудь, кроме самого бога.

Выйдя из дома Солодана, Длиннодум медленно направился к Холму. Он вспомнил, как всего несколько дней назад ребёнок, которым он был тогда, радостно взбирался на Холм, чтобы заглянуть во всеведающий зрак благоволившего ему божества. Теперь же он шел наверх с трудом, словно глубокий старик, для трудного и неприятного разговора.

Когда Длиннодум добрался до вершины, око бога уже склонилось к закату. Взгляд Пробудившегося был таким же, как всегда. Но теперь воин не чувствовал в нем ни теплоты, ни взаимопонимания. Он смотрел просто на солнце, равнодушно светившее всему, что есть под ним.

«Почему ты оставил меня?.. Нет. Что ты такое?.. Нет, не то. Можешь ли ты говорить со мной?..» – перебирал он в уме вопросы, которые хотел бы задать своему прежнему наперснику.

– Ты всё ещё здесь?! – закричал Длиннодум изо всех своих сил.

Ничто в природе не ответило на его вопрос. Око Пробудившегося коснулось горного хребта.

Когда Длиннодум спустился в город, навстречу быстро наползающей ночи, у двери своей пристройки он встретил Сану. И сразу почувствовал неладное – в её глазах не было прежней сердитой неприступности. Что-то случилось.

– Её нигде нет, – тихо сказала девушка.

– Кого? – не сразу понял Длиннодум.

– Твоя рабыня сбежала, – быстро заговорила Сана. – Я достала нож и хотела зарезать эту разлучницу, но не смогла нигде найти! – она даже продемонстрировала короткий изогнутый бронзовый кинжал, который, видимо, стащила у отца.

– Что значит – не смогла найти? – опешил Длиннодум. – Она, наверное, здесь, – он подошел к бывшему дровяному сараю, где поселили Марину. Внутри никого не было. Никакими вещами рабыня ещё не успела разжиться, поэтому нельзя было понять, сбежала ли она совсем или просто где-то бродит.

– Никто в городе её не видел с самого вчерашнего дня, – продолжала Сана. – Я, наверное, всех спросила, кроме Кропаря, который где-то коз пасет. Сбежала, это точно!

Длиннодум промолчал.

Поиски ничего не дали – пленницы действительно не было в Городе-в-Долине. И тогда Длиннодум неожиданно для себя вздохнул с облегчением – решение, что делать дальше, пришло само. Теперь ему нужно было лишь следовать за судьбой, которую избрали для него боги.

18

– С чего ты взял, что она пошла в Кадм? – спросил Стойкий. Он ни на волос не сомневался, когда Длиннодум сказал, что ему нужна будет помощь, – и сразу начал собираться в дорогу.

– Я уверен, что Марина попытается помочь своему отцу, – ответил сын царя. – Ну, или сначала найти брата, а потом освободить отца...

– Ну и пускай пытаются! Их поймают и убьют, – заключил Стойкий, не переставая, однако, складывать в заплечный мешок вещи для похода.

– Я... почему-то не хочу этого, – неуверенно сказал Длиннодум. – К тому же в Кадме у меня все равно остались неоконченные дела.

– Опять эта твоя Сариза?

– Да. И не только. Я, наверное, просто не хочу просидеть всю жизнь в Городе-в-Долине, как мой отец.

– Как скажешь, Длиннодум, – просто сказал Стойкий. – Я всегда с тобой. Можешь не сомневаться.

– А Силач что скажет?

– Я теперь сам воин, и не должен отца спрашивать. А ты – сын царя. Ты говоришь – я делаю. Всё просто.

«Эх, если бы и для меня всё было так же просто», – на какой-то миг Длиннодум почувствовал неуверенность. Но тут же постарался взять себя в руки и отринуть сомнения.

– Мне вот интересно, что Сана скажет... – продолжал Стойкий.

– Мне тоже, – искренне ответил Длиннодум.

Они вышли из Города-в-Долине тайно, как только спустилась ночь, – это было на следующий день после побега Марины. Длиннодум долго сомневался, но потом всё же решил не сообщать о своём уходе отцу. Будь что будет, решил он. А спорить с Твердом ему сейчас вовсе не хотелось.

Правда, исчезать без всякой весточки не годилось тоже. Поэтому незадолго до заката он нашёл Жало и рассказал ему, что уходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.